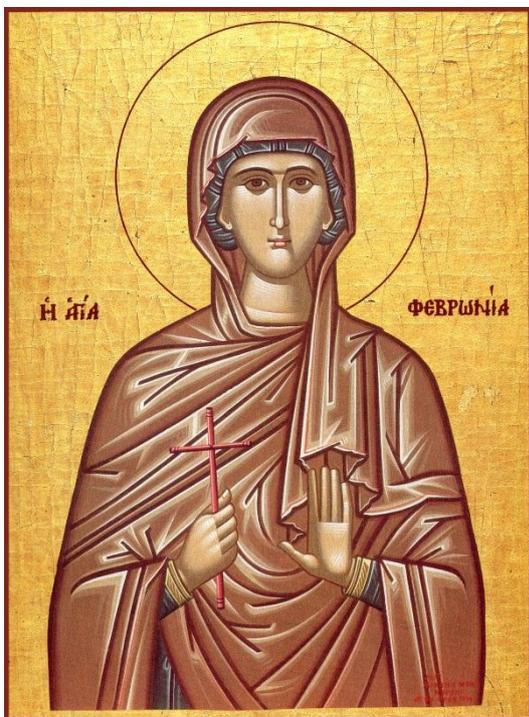

Память 08 июля (ст.стиль 25 июня)

Житие и страдание святой преподобномученицы Февронии

В царствование нечестивого царя Диоклитиана жил в Риме епарх¹ Анфим, имевший сына Лисимаха, которого он обручил с прекрасною девицею, дочерью сенатора² Просфора. Заболев смертельно, Анфим призвал своего брата Селина и сказал ему:

- Брат мой! вот я расстаюсь с жизнью и вручаю тебе сына моего: будь ему отцом вместо меня, а он пусть будет тебе вместо сына. Когда я умру, поспеши соединить его браком с невестой его, дочью Просфора.

Выслушав брата, Селин пообещал ему сделать всё так, как он просил его. Анфим же, по прошествии трех дней, скончался. По смерти Анфима, Диоклитиан призвал к себе Лисимаха и дядю его, Селина, и, приняв их особо, сказал Лисимаху:

- Помня любовь ко мне отца твоего, я хотел бы поставить тебя епархом вместо него, но до меня дошел слух, что ты питаешь склонность к вере христиан. Поэтому я отложил свое намерение, пока

выяснится, справедливо ли говорят о тебе. Пока же для испытания я решил послать тебя на Восток, чтобы ты искоренил там христианскую веру; и когда возвратишься к нам, исполнив свое поручение, тогда будешь награжден от нас саном епарха.

На такую речь царя Лисимах ничего не посмел возразить, так как был очень юн, имея от роду около 20-ти лет. Но Селин, дядя его, упавши к ногам Диоклитиана, сказал:

- Умоляю тебя, великий и бессмертный царь, дозвожь Лисимаху остаться здесь на несколько дней, чтобы вступить в брак с дочерью Просфора, - и когда он сочтается браком, то с ним вместе пойду и я, и мы вместе сделаем всё так, как повелит нам твоя божественная власть.

Царь же сказал им обоим:

- Сначала идите, куда я вас посылаю, и истребите христиан, когда же исполните порученное вам дело, возвращайтесь сюда, - тогда и я отпраздную вместе с вами брак Лисимаха.

Услышав это, они не посмели произнести больше ни слова и покорно повиновались царю, - взявши указ и войска, отправились на Восток.

Лисимах взял с собою родственника своего, комита³ Прима, который был сын сестры матери его, - и поручил ему начальствование над войском.

Приехав на Восток, они остановились в области Пальмира⁴, и всех находившихся там, христиан стали предавать различным жестоким мучениям: одних жгли огнем, других отдавали на съедение зверям, а иных посекали мечом и тело их выбрасывали собакам. Селин, дядя Лисимаха, был очень суров и бесчеловечен. Страх объял многих при виде жестокостей Селина. Лисимах же был очень жалостлив к христианам, так как мать его была христианкой, и от нее он научился познанию Христа. Однажды ночью он призвал к себе своего родственника, комита Прима, и сказал ему:

- Уважаемый Прим, ты знаешь, что отец мой по вере был еллин⁵ и в язычестве скончался, но мать моя умерла христианкой и при жизни своей старалась сделать меня

христианином. Но боясь отца и царя, я не мог сделать этого открыто и дал матери обещание, что не погублю ни одного христианина и беде стараться сделаться другом Христовым. Теперь же вижу, что христиан жестоко мучит и убивает дядя мой Селин, - и от этого сильно страдает душа моя; ибо в тайне я хочу щадить христиан и тех из них, которые содержатся в узах, отпускать, чтобы они убежали и скрывались, где могли.

Комит согласился помочь ему, и они заключили друг с другом соглашение, обязуясь взаимно щадить христиан. Как только они открывали где-нибудь церкви или монастыри христианские, тотчас же посылали туда тайное известие, предупреждающее о нашествии мучителей, и давали совет скрыться. Сверх того комит повелел единомышленным с ними воинам не хватать христиан на мучения, а схваченных повелевал отпускать.

Пробыв в Пальмире довольно долго, Селин, после того как замучил многих христиан, захотел идти в Сиваполь - город, лежащий в ассирийских пределах⁶, входивших в состав подчиненной Риму области. В этом городе находился женский монастырь, состоявший из 50-ти монахинь, игуменья которых, Вриенна, была ученицей блаженной игуменьи, диакониссы⁷ Платониды, и строго исполняла правила своей наставницы. Устав Платониды был такой. В пятницу ни одна из сестер не должна была работать, но все собирались в церковь и с утра до вечера молились или читали Божественные книги. Сначала до 3 часов утра читала сестрам сама диаконисса Платонида, а потом она отдавала книгу Вриенне, приказывая ей читать до вечера. Точно также делала потом и Вриенна, которая, приняв, после смерти своей наставницы, начальствование в монастыре, во всем подражала ей.

У игуменьи Вриенны воспитывались и приготавлились к иноческой жизни две отроковицы: Прокла и Феврония. Прокле было 25 лет, Февронии 20. Феврония была племянницей Вриенны, т.е. дочерью ее брата, и блистала такой дивной красотой, что ни один художник не мог бы в совершенстве изобразить цветущего благолепия лица ее. Эта красота очень беспокоила Вриенну, и она много думала, как бы сохранить Февронию целомудренною, вдали от соблазнов мира. Все сестры монастыря принимали пищу ежедневно только по разу, к вечеру, и во в очень малом количестве; но Вриенна повелевала Февронии поститься до другого дня, чтобы она целый день оставалась без пищи, и вкушала только к вечеру другого дня, - она наделялась, что благодаря такому воздержанию поблекнет красота Февронии. Феврония, желая умертвить плоть свою, прилагала с своей стороны все силы к столь великому воздержанию, и никогда не ела и не пила до сытости, но жаждою и голодом, многими трудами и подвигами неуклонно изнуряла плоть свою, воздерживаясь, сверх того, и от сна. Постель ее состояла из одной голой доски без всякой подстилки; в длину она имела 3 локтя, а в ширину 1½ пяди; изнуренная чрезмерным постом Феврония забывалась сном на этой доске, или на голой земле, и притом на самое короткое время. И когда диавол сонными видениями покушался соблазнить ее, она тотчас же вставала, падала на землю, распростершись крестообразно, и молилась Богу с горькими слезами, чтобы Он избавил ее от диавола; потом, взяв книги Божественного Писания, она прилежно читала их и получала от них духовное наслаждение. Феврония была от природы настолько любознательна и остра умом, что ее уму много удивлялась сама Вриенна.

По пятницам, когда все монахини собирались в церковь для чтения Слова Божия, игуменья Вриенна поручала Февронии читать Священное Писание. А так как вместе с монахинями в храм часто приходили слушать духовные поучения и мирские женщины, то Вриенна приказывала Февронии читать за завесою, чтобы она не видала вида и украшений этих женщин, которых она никогда не видала и раньше. И распространилась добрая молва о блаженной Февронии по всему городу, - повсюду хвалили ее познания и ум, ее красоту и добронравие, ибо она была кротка, смиренна, целомудренна и украшалась всякими добродетелями.

Услышала обо всех этих качествах святой девицы одна женщина сенаторского рода, именем Иерия, и воспылала сильным желанием видеть Февронию и беседовать с нею. Эта женщина принадлежала к еллинской вере, была молода летами и уже овдовела, - прожив с мужем своим всего только 7 месяцев; по смерти мужа, она проживала в доме своих

родителей, которые также принадлежали к еллинскому нечестию. Придя в монастырь, она чрез привратницу известила игумению Вриенну о своем желании видеть Февронию. Когда же Вриенна вышла к ней, Иерия упала к ногам ее и, обнимая их, молила игумению:

- Заклинаю тебя Богом, сотворившим небо и землю, не гнушайся меня нечестивой, вывшею доселе забавой идолов и бесов, - не лиши меня поучительных бесед с сестрой нашей Февронией, чтобы она наставила меня на путь спасения. Тогда я надеюсь обрести у Христа Бога Истинного то, что уготовано христианам. Итак, избавьте меня от суетности века сего и от идольского нечестия, ибо родители принуждают меня ко второму браку, я же хочу начать новую жизнь, проводя время в поучительных и душеполезных беседах с Февронией: довольно мне и прежних лет, прожитых мною, по неведению, в нечестии.

Говоря это, Иерия обливала слезами ноги игумении, побуждая ее к милосердию.

Вриенна же, выслушав ее, сказала:

- Господь свидетель, госпожа Иерия, что отроковица Феврония еще с двух лет принята мною на попечение, и вот теперь уже 18-тый год, как живет она в монастыре безвыходно, не видя до сего времени ни мужчин, ни мирских женщин, ни их одежды и убранства и ничего мирского. Даже кормилица ее до сих пор не мола ее видеть, и хотя много раз умоляла меня повидать ее и побеседовать с нею, но я не допустила этого. Но теперь видя твое усердие и уразумев твою любовь к Богу и надеясь на твое спасение, я сведу тебя к ней; но только ты перемени свои мирские одежды на иноческие.

Иерия тотчас же с радостью исполнила это условие, и Вриенна отвела ее к Февронии. Увидев Иерию в иноческих одеждах, Феврония подумала, что это пришла к ним какая-нибудь странствующая инокиня; поэтому она поклонилась ей до земли и обнявши поцеловалась с нею, как с сестрою о Христе. Вриенна же повелела им обеим сесть и упражняться в поучительном чтении Божественных книг. Тогда Феврония, взяв книги, начала читать Иереи, и та до того умилилась от всего прочитанного, что всю ночь пробыла без сна. Так обе они, оставаясь без сна, и упражнялись в чтении Божественных книг, и ни Феврония не устала, читая книги, ни Иерия, слушая чтение. При этом Иерия пролила столько слез, что даже земля омочилась слезами ее; ибо, бывши эллинкой по вере, она никогда не слыхала таковых душеполезных наставлений.

Когда настало утро, Иерия едва могла повиноваться игумении, чтобы пойти в дом свой. Со слезами простившись с Февронией она отправилась к родителям. Феврония же спросила помощницу игумении Фомаиду:

- Молю тебя, госпожа, мать моя, скажи мне, кто была та странствующая инокиня, которая так обливалась слезами, точно никогда не слыхала Божественных слов.

- Неужели ты не знаешь, с кем беседовала? - сказала ей на это Фомаида.

Феврония ответила:

- Как же я могу знать странствующую инокиню, которую никогда не видела?

Тогда Фомаида сказала ей:

- Сестра эта есть никто иная, как Иерия, знатная женщина нашего города.

- Почему же ты не сказала мне об этом раньше, - заметила Феврония, - я беседовала с ней как с сестрою.

Фомаида сказала:

- Так велела госпожа наша игумения.

После таких слов Феврония замолчала, - и стала молиться Богу в глубине души об Иерии, чтобы Бог обратил ее на путь истинный и принял в свое избранное стадо.

Иерия же, придя домой, рассказала всё, что слышала от Февронии, и начала убеждать родителей своих оставить еллинское заблуждение и познать единого истинного Бога - Иисуса Христа. Те послушались благоразумного совета дочери, уверовали во Христа и приняли святое крещение со всем домом. Так подействовали на них молитвы и наставления святой Февронии.

В скором времени после этого Феврония тяжело заболела. Иерия пришла к ней и ухаживала за ней во время болезни. Вдруг разнеслась весть, что Селин и Лисимах подходят

к городу мучить христиан. Тогда все христиане, не исключая священнослужителей и клириков, и даже сам епископ, оставивши всё, бежали из города, гонимые страхом, и скрывались, где могли.

Услышав это, инокини монастыря Вриенны пришли к ней и сказали:

- Госпожа мать наша, что нам делать? Вот приближаются к городу звери лютые - нечестивые мучители, и все верные христиане бежали, боясь мук.

Вриенна со своей стороны спросила их:

- Что же вы думаете и что хотите делать?

Они отвечали:

- Повели, о мать наша, и нам укрыться, чтобы спасти души наши.

На это Вриенна заметила:

- Еще борьбы не видели, а думаете о бегстве, не настал еще час подвига, а вы уж хотите быть побежденными; нет, дети, молю вас, не делайте этого; лучше здесь останемся, претерпим мучения, и умрем за Христа, умершего за нас, чтобы нам жить с Ним во веки. Услышав эти слова, сестры умолкли. Но на следующий день одна сестра, по имени Еферия, сказала прочим:

- Знаю я, что из-за Февронии не пускает нас мать игуменья скрыться, - она хочет, думаю, из-за нее одной погубить нас всех; но пойдем к ней снова, и я за всех скажу ей, что следует.

Услышав это, некоторые инокини согласились с Еферией, другие же стали возражать ей, но наконец, все сговорились и пошли к игуменье. Вриенна, уразумев, зачем они пришли, спросила Еферию:

- Что хочешь, сестра?

Она же отвечала:

- Молим тебя, мать наша, позволь нам убежать от грозящих бею, ибо и епископ, и весь клир удалились. Вспомни, о мать наша, что есть среди нас юные отроковицы, за которых нужно бояться, чтобы они, схваченные нечестивыми воинами, не лишились девства и не потеряли своей награды от Бога. Еще же нужно бояться и того, что мы не перенесем мучений и, отрекшись Христа, погубим души наши. Повели также взять нам с собою и сестру нашу, больную Февронию, чтобы скрыть и ее отсюда.

Услышав это, Феврония сказала:

- Жив Христос мой, Которого невестой я себя считаю и Которому отдаю душу свою, - не отойду от этого места, но здесь умру и похоронюсь.

Тогда Вриенна, обращаясь к Еферии, сказала:

- Смотри, что ты делаешь, смущая сестер, - ты видишь, - я неповинна в том, что ты обо мне думаешь.

Потом, обратившись к прочим, сказала:

- Пусть каждая из вас решит так, как ей покажется полезнее.

Тогда все сестры, боясь предстоящих мучений, простились с игуменьею и Февронией и, с плачем и рыданием, бия себя в грудь, удалились из монастыря. Прокла же, сверстница и соученица Февронии, обнявши и целуя ее, плакала и говорила:

- Помолись за меня, госпожа и сестра моя.

Феврония, удерживая ее за руку и не пуская, уговаривала:

- Побойся Бога, сестра моя Прокла, не оставляй нас. Ты видишь - я больна и скоро умру. Мать наша Вриенна не может похоронить меня одна, - останься же и помоги ей погребсти меня.

Тогда Прокла ответила:

- Хорошо, сестра моя, я останусь здесь до тех пор, как велишь мне.

Когда же настал вечер, Прокла не сдержала слова своего и тайно убежал из монастыря. С Февронией остались только Вриенна и Фомаида.

Игуменья Вриенна, видя опустевший монастырь, с печалью вошла в церковь, упала на землю и горько зарыдала.

Фомаида, успокаивая ее, говорила:

- Перестань госпожа и мать моя. Ибо Бог силен в скорби и напасти сотворить и **облегчение** (1Кор.10:13). Он поможет нам перенести находящие на нас бедствия (Сир.2:10). Вспомни, разве был кто, верующий и Бога, посрамлен, и пребывающий в страхе Божиим оставлен без Его помощи?

Вриенна ответила:

- Да, госпожа моя Фомаида, всё так; но что мне делать с Февронией? Куда ее скрыть и сохранить? Какими глазами я буду смотреть, когда варвары поведут ее, как пленницу?

Тогда Фомаида сказала:

- Воскрешающий мертвых, Господь может и Февронию подкрепить и сохранить от варваров неврежденной; молю тебя, госпожа и мать моя, перестань огорчаться и плакать; лучше пойдем к больной Февронии, - утешим ее и подкрепим.

Когда они пришли к Февронии, Вриенна опять горько зарыдала. Феврония же, посмотрев на Фомаиду, спросила:

- Что означают слёзы нашей матери Вриенны?

Обернувшись к ней Фомаида отвечала:

- Из-за тебя эти материнские слезы, так как ты молода и красива. Вот придут к нам жестокие мучители, чтобы причинить нам великие скорби: нас, старых женщин, они тотчас же убьют, тебя же, молодую и красивую лицом девицу, они сохранят, чтобы прельстить соблазнами мира, - и мы боимся, что льстивыми словами и насилием они погубят девство твое и лишат тебя чертога, уготованного твоим Небесным Женихом.

Тогда Феврония сказала:

- Молю вас помолитесь обо мне ко Господу, чтобы Он призрел на смирение мое - укрепил мою немощь и подал мне терпение, как подает Он всем рабам Своим, возлюбившим Его от всего сердца.

На это Фомаида ответила:

- Дитя мое, Феврония! Наступает время подвига. Если нечестивые мучители будут соблазнять тебя льстивыми словами, золотом, серебром и многоценными одежаниями, или какими-либо суетными прелестями мира сего, - будь осторожна и внимательна к себе, - не слушайся их увещаний, чтобы тебе не потерять награды от Господа за прежние труды свои. Смотри, чтобы не сделаться тебе посмешищем диавола и игрищем идолов. Помни, что нет ничего славнее девства, и велика награда, ожидающая девственниц. Ибо жених девственниц бессмертен, и всем любящим Его подает бессмертие. Итак, госпожа моя, потщись достигнуть того, чему ты посвятила всю жизнь свою. Блуди себя, дочь моя, чтобы тебе не лишиться залогов твоего блаженства - т.е. благодати крещения и иноческого пострига. Ибо страшен будет Господь, когда сядет на престоле славы Своей судить всех и воздать каждому по делам его.

Внимая этим словам, Феврония укреплялась духом и мужественно готовилась вступить в доблестную брань с диаволом. Потом она сказала Фомаиде:

- Хорошо сделала ты, госпожа моя, утвердив рабу твою в вере и соделав душу мою готовую к доблестному подвигу. Да будет же тебе известно, что если бы я не имела желаний умереть за Жениха моего, то бежала бы, вместе с другими сестрами, чтобы укрыться от страшного страдальческого подвига. Но так как я от всего сердца люблю небесного Жениха моего, Которому я обручилась душою и Которому посвятила тело мое, то дерзаю пойти к Нему стезею мученичества, если Он удостоит меня пострадать и умереть за имя Его

Вриенна, выслушав такие речи Февронии, сказала ей:

- Дочь моя, Феврония! вспомни мои труды и заботы о тебе, вспомни, что с двух лет я приняла тебя на попечение из рук кормилицы твоей, - и что до настоящего дня никто из мирян даже не видал лица твоего. До нынешнего дня я блюла тебя, как зеницу ока. А что теперь мне делать с тобою и как блюсти тебя, я уже не знаю. Блуди себя сама, чтобы не опечалить старости моей, не уничтожить трудов, какие я, духовная мать твоя, приложила к твоему воспитанию. Поминай страстотерпцев, которые прежде тебя мужественно и

доблестно страдали за Христа и получили теперь венец от Него, среди коих были не только мужи, но также женщины и дети. Вспомни Ливию и Леониду - этих славных сестер, которые мужественно положили за Христа души свои. Ибо Ливия и Леонида, одна будучи усечена мечем, а другая - ввержена в огонь, обе вместе пошли в чертог своего Небесного Жениха. Помина двенадцатилетнюю отроковицу Евтропию, которая была замучена вместе с матерью. Не всегда ил удивлялась ты послушанию и терпению ее? Ты знаешь, как судья, разрешив ее от уз, хотел ее утратить стрелами, думая, что она побежит от них. Но вот она услышала голос матери своей, говорящий ей: "дитя мое, Евтропия, остановись", - и отроковица мужественно стала как столб недвижимый, пока не была вся изранена стрелами: тут она пала на землю, предавши дух свой Господу. Отроковица эта был проста и неучена; а ты сама хорошо изучила Божественные книги и была доброю учительницей многих. Итак помысли, сколь мужественно тебе подобает стать за Господа твоего.

Это и многое другое говорили они друг с другом, пока не прошла ночь и не наступил день.

Когда воссияло солнце, в городе поднялось великое смятение. Это вошли в город Селин и Лисимах, воины которых начали уже хватать многих христиан и бросать их в темницу. Некоторые эллины сказали Селину о находившемся в городе женском монастыре. Селин тотчас же послал воинов взять всех инокинь. Воины, придя к монастырю, окружили его со всех сторон и, секирами разрубивши двери, вошли внутрь его, как дикие звери. Схватив Вриенну, они хотели мечом убить старицу. Но Феврония, видя опасность, упала к ногам воинов и начала громко звать:

- Заклинаю вас Богом, - убейте сначала меня, чтобы я не видала смерть госпожи моей.

Когда Феврония так вопияла, пришел туда комит Прим; он с гневом отогнал воинов и спросил Вриенну:

- Где же остальные инокини, которые пребывали в этом монастыре?

Вриенна сказала:

- Все в страхе бежали.

Тогда комит сказал:

- О, если бы и вы бежали вместе с ними! Но и теперь вы свободно можете сделать это и бежать, куда хотите, - я оказываю вам эту милость.

Сказав это, он вышел из монастыря и отвел с собою воинов. Когда он пришел в преторию к Лисимаху, тот спросил его:

- Правда ли говорили нам, что вблизи есть тут христианский монастырь?

- Правда, - сказал комит.

Затем, отведя Лисимаха в сторону, наедине сказал ему:

- Почти все инокини разбежались из монастыря того, и не нашел я там никого, кроме двух стариц и одной молодой инокини. При этом имею поведать тебе нечто дивное, что я видел в монастыре том: видел я младую черноризицу, столь великой красоты, что таких красивых женщин я никогда не видал доселе. Бог свидетель, что я истину говорю тебе. Увидев ее, я удивился благолепию лица ее, и если бы она не была одета в убогие одежды, и почел бы ее достойною стать женою тебе, господину моему.

На это Лисимах ответил:

- Если я не хочу преступать заповеди моей матери и проливать кровь христианскую, но желаю всячески щадить христиан, - то как же я могу быть соблазнителем невест Христовых? Никогда я этого не сделаю; но я обращаюсь к тебе, господин мой, с усердною просьбою: изведи стариц тех и молодую черноризицу из монастыря и сохрани где-нибудь, чтобы они не попали на мучение в руки Селина, дяди моего.

Когда они так говорили друг с другом, один из злейших воинов, бывший в монастыре, услышав беседу их, немедленно отправился к Селину и рассказал ему, что они нашли в женском монастыре весьма красивую девицу, и что комит советует Лисимаху взять ее в жены.

Селин, исполнившись ярости, тотчас же послал воинов, чтобы они сторожили найденных там черноризиц, не давая им возможности скрыться. Затем послал некоторых ближайших и вернейших слуг своих, чтобы они посмотрели на ту девицу и узнали имя ее. Те пошли и, возвратившись, сказали Селину, что в поднебесной, наверное, не найдется ни одной женщины, которая могла бы сравняться красотой своею с виденной ими девицей. После таких слов Селин тотчас же послал глашатая кричать в городе, чтобы на утро следующего дня все жители обоего пола и всякого возраста, собирались смотреть на подвиг юной девицы Февронии.

Услышав это, все люди, жившие в городе и окрестных селениях, собрались на зрелище в большом количестве, чтобы видеть подвиг святой Февронии. С наступлением утра мучитель послал в монастырь наиболее свирепых воинов, и повелел им привести оттуда святую деву на судилище. Воины, придя в монастырь, безжалостно схватили Февронию и, оковав шею ее цепями, повлекли из монастыря.

Тогда Вриенна и Фомаида, со слезами обнимая свою ученицу, стали горько плакать и молить воинов, чтобы они позволили им немного побеседовать с Февронией; воины согласились. И снова Вриенна и Фомаида стали умолять воинов, чтобы они взяли и их с собою на тот же подвиг, какой предстоял Февронии; ибо старицы боялись, как бы одна она без поддержки с их стороны не устрашилась мук.

Но воины сказали:

- Нам не дано повеления представить вас на судилище, но только одну Февронию.

И вот Вриенна и Фомаида начали утверждать Февронию в вере.

Вриенна так говорила ей:

- Вот ты, дочь моя Феврония, идешь ныне на страдальческий подвиг. Знай, что небесный Жених будет взирать на твои страдания, и ангельские силы уже приготовили для тебя победный венец, если ты мужественно постраждешь до конца. Блуди, чтобы тебе не убояться мук и не сделаться поруганием бесов. Не жалея тела твоего, когда начнут его раздроблять ранами, -- ибо оно, если бы даже и не хотели мы, всё равно, по прошествии некоторого времени, вселится в гроб и обратится во прах. Вот я с горьким рыданием буду ждать о тебе благой или печальной вести. Порадей же, дочь моя, - я усердно молю тебя от этом, чтобы мне услышать добрую весть о тебе. О, кто бы принес мне ту благую весть, что Феврония мученически за Христа пострадала и вступила в сонмы мучеников!

На это блаженная Феврония ответила Вриенне:

- Надеюсь, мать моя, что как доселе я не преступала заповедей твоих, так и ныне неизменно соблюду наставление и повеление твое. И увидят люди и удивятся и восхвалят труд Вриенны, говоря: вот поистине насаждение и росток Вриенны - той великой старицы! Ибо я в женском теле проявлю мужескую силу духа; вы же молитесь обо мне и не препятствуйте идти на подлежащий подвиг.

Тогда сказала ей Фомаида:

- Жив Господь, сестра моя, Феврония, что и я пойду следом за тобою. Оденусь в мирские одежды и, ставши среди народа, буду смотреть на твой подвиг.

Когда же воины начали торопить Февронию и уже хотели повлечь ее за собою, она сказала тем святым старицам:

- Молю вас, мои матери, благословите меня на дорогу и помолитесь обо мне.

И Вриенна, воздев руки свои к небу, начала так молиться громким голосом:

- Господи Иисусе Христе, некогда явившийся в образе Павловом рабе Твоей Фекле⁸ при страданиях ее, явись и ныне смиренной рабе Твоей Февронии в час ее подвига и свыше невидимо укрепи ее, чтобы и чрез нее прославилось имя Твое святое.

Так помолившись, Вриенна со слезами обняла Февронию и, облобызав ее, отпустила от себя. Воины же, взяв святую деву, повели ее к мучителю Селину.

Немного проводив свою любимую духовную дочь, Вриенна с плачем и рыданием возвратилась в монастырь и, повергшись на землю в церкви, вопияла, молясь к Богу о Февронии. Фомаида же, оставив Вриенну в церкви плачущею, облачилась в одежды

мирских женщин и пошла следом за Февронией на позорище. Туда же пошли и те женщины, которые каждую пятницу приходили в монастырь послушать книжные поучения из уст Февронии, биюще в перси свои, они со слезами спешили на позорище, пребывали в сильной печали от того, что лишаются своей учительницы. Весть о том, что Феврония поведена на позорище, дошла также и до Иерии, и она так громко зарыдала, что родители ее и все бывшие в доме ужаснулись и стали спрашивать:

- Что с тобою, Иерия?

- Сестру мою Февронию повели на позорище, учительницу мою отослали на муки за Христа, - отвечала Иерия среди рыданий.

Родители Иерии старались успокоить ее, но она еще больше рыдала и говорила им:

- Оставьте меня, - я не перестану плакать по сестре моей и учительнице Февронии.

Когда она так говорила, родители ее тоже возрыдали, и весь дом огласился плачем о святой Февронии; Иерия же стала просить родителей, чтобы онипустили ее идти на позорище, и они не препятствовали ей. Взяв много рабов и рабынь, она с рыданием пошла на позорище и догнала множество жен, со слезами спешивших туда же; среди них была и Фомаида, шедшая в мирских одеяниях. Узнав ее, Иерия пошла вместе с нею, и они обе, проливая многие слезы, пришли на назначенное место. Бесчисленное множество народа собралось там, и судьи уже сидели на своих местах. Когда всё было приготовлено, Селин и Лисимах повелели привести к ним святую Февронию. Святая предстала пред ними, имея руки связанными назад, а шею окованную цепями; видя это, почти все там присутствовавшие залились слезами и предались горькому плачу и рыданиями. Мучитель Селин, подав знак к молчанию, сказал Лисимаху:

- Подвергни эту женщину допросу и выслушай ее ответы.

И начал Лисимах допрашивать Февронию. Сначала он спросил ее:

- Скажи нам, какого ты звания - раба ли ты, или свободная?

- Да, я раба, ответила Феврония.

- Чья же?

- Христова - смело исповедала святая дева.

Снова спросил ее Лисимах:

- Какое имя ты носишь?

И Феврония ответила:

- Нарикаюсь я смиренной христианкой.

Лисимах опять спросил:

- Мы хотим знать имя твое.

- Я уже сказала тебе, что я христианка, ответила Феврония, - но если ты хочешь знать то имя, какое дано мне было при рождении, - то я отвечу тебе: мать назвала меня Февронией.

Тогда мучитель Селин повелел Лисимаху прекратить допрос и сам обратился с речью к святой деве.

- Призываю богов в свидетели, Феврония, что я не хотел снизойти до беседы с тобою; но так как кротость твоя и красота лица твоего победили мой гнев на тебя, - то я спрошу тебя уже не как осужденную, но как дочь мою. Слушай же, дочь моя, пусть боги будут свидетелями, что я истину говорю тебе. Ты видишь сидящего со мною племянника моего Лисимаха; я и отец его Анфим, теперь уже умерший, наметили ему в жены девицу благородную, обладающую многими богатствами, дочь сенатора Просфора, и уже обручили его с нею. Теперь, если ты исповедуешь свою вину пред богами, то мы уничтожим брачный договор с дочерью Просфора и установим новый - с тобою. И станешь ты женою Лисимаха и, как жена, будешь восседать по правую руку его, как теперь восседаю я. Ты видишь, что он красив, как и ты. Послушай же моего совета, как отца твоего; в награду за то я сделаю тебя знатной и богатой, и ты никогда не узнаешь нищеты. Я не имею ни жены ни детей, - и всё, что у меня есть, дарю тебе, - делаю тебя госпожою всех имений моих. Всё это я дам в приданое за тобою господину моему Лисимаху, и буду вам вместо отца. Тогда,

вида сколь великой чести сподобилась ты, прославят и ублажат тебя все женщины, - порадуются о тебе и доблестный царь наш и с своей стороны тоже наградит вас многим, ибо он обещался поставить Лисимаха епархом Рима. Вот ты слышала всё, что я сказал тебе. Скажи же мне, что ты не отвращаешься от богов наших, этим ты доставишь великую радость душе моей. Если же не послушаешь моего увещания, то не проживешь, клянусь богами, и трех часов. Итак выбирай себе, что хочешь, и скажи нам.

На это святая Феврония так отвечала Селину:

- Судия! Я имею на небе чертог нерукотворный, в котором совершается брак во веки нерасторжимый, приданное же мое всё небесное царство. Имея Жениха Бессмертного, я не хочу соединиться со смертным и тленным человеком. А о том, что ты мне обещаешь, я и слушать не хочу. Нет, не трудись, судия! Ни ласкательствами и соблазнами ты ничего не достигнешь, ни угрозами меня не устрашишь.

Услышав такой ответ, Селин сильно разъярился и повелел воинам растерзать на ней одежды, затем - опоясать ее худым и коротким рубищем, и поставить почти нагою на позор пред всеми; он надеялся, что святая дева, видя себя в таком бесчестии, устыдится своего позора и раскается в своем упорстве. Воины тотчас исполнили приказание Селина и поставили мученицу почти совершенно нагою пред всеми.

Тогда сказал ей Селин:

- Что теперь скажешь мне, Феврония? Ты видишь, какое бесчестие сделалось твоим делом, между тем как ты могла бы пользоваться великими благами.

На это Феврония сказала мучителю:

- Знай, судья, что если ты совлечешь с меня не только те одежды, но даже и это рубище, и оставишь меня совершенно нагою, то я ни во что вменю позор сей. Ибо Один есть Создатель мужа и жены; ради Него я готова не только претерпеть стыд наготы, но желаю даже быть усеченною мечем и сожженною огнем. О, если бы сподобил меня пострадать за Себя Тот, Кто добровольно претерпел за меня бесчисленные страдания!

- О, бесстыдная и всякого бесчестия достойная! - воскликнул Селин, - я вижу, что ты гордишься красотой своею, и потому не вменяешь себе в стыд бесчестие наготы, ибо ты надеешься прославиться своею красотой, стоя обнаженною среди народа.

Святая ответила ему:

- Христос свидетель, что до нынешнего дня я не видала даже лица мужчины, равно как и моего лица никто из мирских людей не видел. Неужели теперь, находясь в твоей власти, я буду бесстыдна? Нет, бесстыден ты сам, обнажая пред всеми девическое тело. Но скажи мне, безумный судия: если борец выйдет на олимпийские состязания⁹, то не нагим ли он борется, пока не победит противника своего? Точно также и я, выйдя сюда на борьбу с сопротивным и ожидая для тела моего ран и огня, как могу претерпеть их, оставаясь в одежде? Разве не нагое тело воспринимает раны? И вот я выхожу нагою, чтобы, презирая муки, победить сатану - отца твоего.

Тогда Селин сказал слугам:

- Так как эта женщина сама ищет мук и говорит, что она не боится огня и ран, - то разложите ее на земле, зажгите огонь под нею, и пусть четыре воина бьют ее палками по хребту.

Тотчас воины начали мучить святую, как им было приказано. Долго били святую, так что кровь ручьями текла из тела ее. А чтобы разожженный под нею огонь не угасал, мучители возливали на него масло, дабы пламень становился больше и сильнее опалил мученицу. Когда так мучили святую, многие из среды народа стали кричать Селину:

- Пощади, пощади юную девицу, милостивый судия!

Но тот, не слушая молений, повелел истязать святую деву сильнее; потом, немного укротившись от гнева, приказал прекратить мучения. Воины оставили Февронию и, считая ее уже мертвою, повергли вне костра.

Фомаида, видя столь тяжкие муки Февронии, изнемогла духом и телом и пала на землю к ногам Иерии. При виде этого Иерия громко возопила:

- Горе, горе мне, сестра моя Феврония! Горе мне, учительница моя! Я уже больше не услышу учения твоего. И не только тебя я лишусь, но и Фомаиды; ибо и та, в печали о тебе, умирает.

Эти слова Иерии услышала Феврония, лежавшая на земле, и стала умолять близ стоящих, чтобы они полили воды на лицо изнемогшей Фомаиды. Те исполнили эту просьбу, и Фомаида пришла в себя и стала на ноги.

Увидев, что Феврония еще жива, Селин обратился к ней с такими насмешливыми словами:

- Что скажешь Феврония? Как сладок показался тебе твой первый страдальческий подвиг?

- Ты видишь, - отвечала Феврония, - что я, не смотря на твои старания, осталась непобедимой, потому что презираю все муки.

Тогда Селин приказал слугам:

Повесьте ее на дереве и железными гребнями строгайте бока ее, раны же опаляйте огнем так, чтобы и кости ее были обожжены.

Мучители тотчас стали исполнять это приказание. Среди таких страданий Феврония возвела очи свои на небо и так стала молиться ко Господу:

- Прииди на помощь ко мне и не презри в сей час рабы Твоей.

И после этих слов она умолкла.

Когда тело ее безжалостно строгали и жгли огнем, многие из собравшихся на позорище не могли смотреть на столь ужасные муки и отошли оттуда; другие же стали кричать судье, чтобы он пощадил юную и ни в чем неповинную девицу. Тогда Селин повелел прислужникам прекратить мучения. Затем он стал предлагать Февронии, висящей на дереве, некоторые вопросы, но она молчала. Снова распалившись яростью, мучитель повелел снять ее с дерева и привязать к колу, водруженному на земле, - затем сказал:

- Так как эта скверная женщина не хочет отвечать мне, то отрежьте язык ее и бросьте в огонь.

Услышав это, святая мученица тотчас же простерла из уст язык и дала знак воину, чтобы он исполнил приказание. Но лишь только воин коснулся языка, чтобы отрезать его, стоявший здесь народ громко стал кричать, заклиная судию именем богов своих и умоляя его, чтобы он отменил свое приказание. Снисходя к просьбам народа, Селин дал приказ не резать язык, а вместо того велел вырывать зубы. Тотчас же один из мучителей взял железное орудие и начал вырывать зубы мученицы один за другим. Когда он вырвал 17 зубов, Селин велел прекратить это мучение. Между тем из уст святой текли целые потоки крови, и от жестоких страданий она совершенно изнемогла телом. Призвали врача, который остановил течение крови.

Потом Селин снова начал вопрошать святую, обратившись к ней с такими словами:

- Хотя бы теперь, Феврония, подчинилась ты требованию суда и исповедала бы веру в богов.

Святая ответила:

- Анафема¹⁰ тебе, проклятый и в беззакониях состарившийся слуга дьявола! Долго ли ты будешь препятствовать мне на пути моем, заграждая мне вход к Жениху моему Христу? Поторопись скорее освободить меня от сего брэнного тела моего, так как Жених мой уже ждет меня.

На это Селин сказал Февронии:

- Вот я велю совершенно истерзать тело твое, предав его мечу и огню. Ибо я вижу, что ты бесстыдно гордишься юностью твоей. Но от этого тебе не будет никакой пользы; твоя гордость принесет тебе еще большее зло и тягчайшие муки.

Святая мученица, истомленная чрезмерными мучениями, не могла больше ничего говорить, но молчание ее еще более распалило ярость мучителя: жестокий Селин велел отрезать у Февронии ее девические сосцы. Народ кричал, умоляя судью, чтобы он пощадил

девицу и отменил свое приказание. Но Селин, разгневавшись на мучащего прислужника, сказал ему:

- Зачем медлишь, прескверный противник богов наших? Зачем не исполняешь повеленного тебе?

Тогда прислужник, взяв бритву, тачал резать у святой мученицы правый сосец. Она же, возведши очи на небо, громким голосом молилась к Богу, говоря:

- Господи боже мой, воззри на мучения, мною претерпеваемые, и приими в руки Твои душу мою.

Сказав это, она умолкла и больше уже ничего не говорила. Когда отрезали обо сосца и повергли их на землю, Селин повелел принести огонь и опалять им язвы, образовавшиеся на месте отрезанных сосцов. Точно также он повелел жечь утробу мученицы, так что истлели все внутренности ее. При этом многие из народа, не будучи в состоянии смотреть на такое мучительство, отходили от позорища и громко проклинали Диоклитиана и его богов.

В это время Фомаида и Иерия послали рабыню в монастырь, чтобы она возвестила Вриенне о всё происшедшем. Услышав рассказ посланной, Вриенна исполнилась духовной радости и веселия и со слезами начала так взывать к Богу:

- Господи Иисусе Христе, Боже наш, прииди на помощь к рабе Твоей Февронии!

Затем, павши на землю, она с плачем и рыданием говорила:

- Где ты теперь Феврония? где ты, кроткая дочь моя? где ты, раба Христова? где ты, украшение иноческого чина?

Наконец, поднявшись с земли и воздев руки к небу, воскликнула:

- Господи! Призри на смиренную рабу Твою, и помоги ей в ее подвиге! Сподоби мне видеть ее скончавшуюся мученицей и вчиненной в лике святых мучеников.

В это время на позорище происходило следующее: мучитель Селин повелел отвязать Февронию от кола, к которому она была привязана; святую отвязали, и она, будучи не в силах стоять на ногах, тотчас же пала на землю. При виде этого комит Прим тихо сказал Лисимаху:

- За что эта юная отроковица терпит столь жестокие мучения? Не пора ли прекратить истязания?

Лисимах на это ответил:

- Подожди, блат, ибо ее страдания для многих, смотрящих на нее, послужат на пользу. И я думаю, что эти страдания и для меня будут во спасение. Я много слышал от матери моей, которая говорила, как мученики своим мужеством обращали многих на путь спасения. Пусть же и эта девица до конца претерпит свой мученический подвиг, чтобы спасти меня и других многих.

В это время Иерия, увидев Февронию, упавшую на землю, громогласно воскликнула, обращаясь к Селину:

- О, бесчеловечный мучитель! Не довольно ли было для твоей жестокости и первых мучений, которым ты подверг неповинную сию отроковицу? Разве ты не помнишь матери своей, которая также имела женскую плоть? Разве ты сам не питался сосцами, подобными тем, которые ты повелел отрезать? Неужели ты для того был вскормлен женскими сосцами, чтобы проявлять столь лютую жестокость над женщинами? Я удивляюсь, как это ничто не может укротить твоего жестокого и бесчеловечного нрава. Но знай: как ты не пощадил сей девицы, так не пощадит и тебя Царь небесный.

Так восклицала Иерия. Селин, услышав речь ее, снова исполнился ярости и повелел воинам схватить Иерию из толпы, намереваясь немедленно подвергнуть ее мучениям. Услышав повеление, Иерия с радостью сама пошла навстречу воинам, пролагая путь себе среди толпившегося народа; при этом она повторяла:

- Господи Боже рабы Твоей Февронии! приими с нею и меня - смиренную рабу Твою.

Но прежде чем она дошла до судилища, друзья Селина стали советовать ему, чтобы он не подвергал Иерию мучению пред всем народом - в виду ее благородного происхождения.

- Мы боимся, - говорили они, - как бы всё множество собравшегося народа, увидев ее страдания, не пожелала пострадать вместе с нею, и тогда придется иметь дело со всем городом

Селин послушался их совета и не повелел подвергать Иерию истязаниям, а только гневно воскликнул, обратившись к ней:

- Слушай, Иерия! Клянусь богами, что ты своими дерзкими и бесстыдными речами навлекаешь на Февронию еще большие мучения.

Сказав это, он тотчас же отдал приказ, чтобы святой Февронии отсекали обе руки. Оруженосец, подложив дерево под правую руку мученицы, ударил по ней секирою и отсек ее;

таким же образом он отсек и левую руку Февронии. Н удовлетворившись этим, жестокий мучитель повелел отсечь мученице правую ногу. Подложив дерево под ноги святой и взяв секиру в руки, оруженосец с великою силою ударил секирою повыше колена, но не смог отсечь ноги мученицы, - тогда он ударил вторично, то также безуспешно. В народе, при виде этого, начался вопль и смятение, и все негодовали на жестокость мучителя. Оруженосец же ударил по ноге в третий раз, и только тогда едва осек ногу. Феврония от столь лютых мучений затрепетала всем телом и, хотя уже находилась на пороге смерти, однако, насколько была в силах, простирала и другую ногу, кладя ее на дерево, чтобы отсекали и ее. Увидев это, Селин сказал:

- Смотрите, сколь великую силу имеет эта бесстыдная женщина.

Потом, обратившись к оруженосцу, в сильном гневе произнес:

- Отсеки ей и другую ногу.

Тот немедленно исполнил это повеление.

Тогда Лисимах, восстав с своего седалища, сказал Селину:

- Неужели ты еще хочешь мучить эту бедную отроковицу? Пойдем отсюда, ибо наступил час обеда.

Но нечестивый Селин ответил:

- Клянусь богами, что я не оставлю ее живою, но буду здесь, пока она не умрет.

Но душа мученицы не выходила из тела ее в продолжение многих часов; тогда Селин спросил оруженосцев:

- Неужели всё еще жива эта бесстыдная женщина?

- Да, жива еще, - отвечали ему, - душа еще пребывает в ней.

Тогда Селин повелел отсечь мученице святую голову.

Воин, взяв в одну руку меч, другою схватил волосы на голове мученицы и заклал ее в выю, как закалывают овец, а затем отсек и голову. Тотчас же после этого Селин встал и пошел обедать; с ним шел и Лисимах, проливая слезы.

После мученической кончины святой Февронии верные, находившиеся среди народа, хотели унести честные мощи ее. Но Лисимах приставил к ним воинов с приказанием стеречь их, чтобы ни один член тела мученицы не был похищен. А сам, не желая от великой печали и скорби вкушать, вместе с Селином, пищи, затворился в спальном комнате и горько рыдал там о убиении Февронии.

Селин, увидев сетование Лисимаха, опечалился и также не пожелал принять пищи, но встав начал ходить по покоям дворца, испытывая крайнее смущение. Когда же он случайно поднял глаза вверх, на высоту небесную, на него внезапно напал великий страх и ужас и он сделался нем. Потом, громким голосом воскликнув и зарывав, подобно волу, он ударился головою о мраморную колонну, находившуюся в том покое, и, разбив себе голову, пал на пол мертвым. Среди слуг и воинов Селина поднялся вопль, и произошло смятение. На их крики пришел из своей спальни Лисимах и видев дядю своего лежащим на земле и мертвым, удивился и исполнился ужаса. Придя в себя, он повелел прекратить вопли и стал спрашивать:

- Как произошло это?

Предстоящие рассказали ему, что видели.

Покивая в удивлении головою, Лисимах промолвил:

- Велик Бог христианский! Он поистине достоин почитания, ибо отомстил за кровь неповинную!

Сказав это, он повелел труп Селина вынести из города и похоронить по эллинскому обычаю. Затем Лисимах призвал к себе комита Прима и сказал ему:

- Заклинаю тебя Богом христианским, - не преступи заповеди моей, которую я даю тебе. Постарайся скорее уготовать для тела Февронии ковчег и деревьев не гниющих и разошли вестников, сзывая христиан на погребение святой мученицы: пусть они собираются безбоязненно, так как Селин уже умер. Вот, ты знаешь, возлюбленный Прим, мое желание. Возьми же отряд воинов и, собрав все отсеченные члены тела Февронии, отнеси их в монастырь; при этом наблюдай, чтобы ни одна часть тела святой не потерялась и не пропала. А чтобы псы не лизали землю, на которую пролилась кровь мученицы, - для этого прикажи счистить ее, затем собрать и отнести, вместе с мощами, в монастырь.

Комит тотчас же призвал воинов, и, согласно желанию Лисимаха, повелел им нести тело мученицы в монастырь; а сам, собрав отсеченные части тела ее: голову, руки, ноги, сосцы и зубы - и завернув в свою хламиду, пошел вслед за ними, сопровождаемый множеством народа. Придя в монастырь, комит никого не допустил внутрь его, кроме Фомаиды и Иерии.

Игуменья монастыря, честная старица Вриенна, увидав бездыханное и изуродованное тело Февронии и отсеченные уды ее, от великой скорби и жалости изнемогла телом и пала на землю как мертвая. Комит же, поставив к монастырю стражу воинскую, возвратился к Лисимаху.

Только по прошествии нескольких часов пришла в себя Вриенна. И восставши от земли, она припала к телу мученицы и, обнимая его, вопияла:

- Увы мне, дочь моя Феврония, ныне ты взята уже от очей матери твоей. Кто ныне читать будет сестрам Божественные писания? Чьи руки разогнут книги, которые ты держала?

В это время все инокини, которые ушли вместе с Еферией, возвратились в монастырь и со слезами поклонились до самой земли телу святой мученицы Февронии.

Горько плакала, при мощах святой мученицы, и блаженная Иерия, которая взывала:

- Поклонюсь святым ногам, поправшим главу змия, обლობызаю святые язвы, которые проливают моей душе благодатные токи исцеления, увенчаю похвальным венцом главу той, которая величием своего подвига увенчала весь женский род.

И плакали все сестры над мощами мученицы. Потом, оmyвши их, они положили на той доске, на которой святая почивали при жизни, когда отдавалась кратковременному отдыху; - поместив на этой доске тело мученицы, они приложили все отсеченные члены к язвам на свое место и с псалмопением понесли честные мощи в церковь.

При наступлении вечера, Вриенна повелела открыть монастырские ворота, чтобы все желающие могли войти в церковь и, увидев мученицу, прославили Бога, давшего ей столь великое мужество и терпение в страданиях. И пришло множество народа. Пришел туда также и Лисимах с комитом Примом; ибо он сказал комиту:

- Я отрекаюсь от всех отцовских обычаев и идолослужения и все мои богатства оставляю, и пойду соединюсь со Христом. На это комит ответил ему:

- И я вместе с тобою сделаю то же самое. Пусть погибнет Диоклитиан и его царствование, - не буду больше служить ему, но всё оставив, послужу Христу.

Так они оба, согласившись друг с другом, оставили преторский дворец¹¹ и пришли в монастырь к мощам святой Февронии.

Еще пришел туда и епископ того города с священниками и клиром и множеством иноков, - и совершили они всенощное славословие Богу со слезами и радостью духовною.

Когда же наступил день, принесли прекрасно устроенный ковчег для тела мученицы и вложили в него сие честное тело с благоговением; потом приложили к нему каждый отсеченный член, зубы же положили на персях мученицы. После этого намастили мощи

миром и ароматами и погребли их в церкви, славя и благодаря Господа. И подавались от гроба святой исцеления болящим, так что множество эллинов уверовали во Христа и крестились. Приняли также святое крещение и Лисимах с Примом. При этом они сложили с себя сан свой и не пожелали возвратиться к злочестивому Диоклитиану, но отвергшись мира, отправились к архимандриту Маркеллу и приняли иночество; богоугодно пожив в трудах и подвигах постнических, оба они в мире окончили жизнь свою и перешли ко Христу.

Точно так же боярыня Иерия, отдавши монастырю Вриенны все имения свои, приступила к последней с такою просьбою.

- Молю тебя, мать моя, - говорила она, - прими меня к себе в качестве дочери, вместо святой Февронии, и я послужу тебе, оказывая во всем повиновение, как служила тебе Феврония.

Сказав это, она сняла с себя все драгоценные женские одежды и отдала их на украшение церкви; сама же, отрекшись мира, сделалась инокиней.

Празднество в честь святой мученицы Февронии совершалось в монастыре игумении Вриенны после мученической кончины ее ежегодно в июне месяцев 25-й день, в который святая и совершила доблестный подвиг свой за Христа. И в день праздника каждый год совершалось знаменательное чудо: во время всенощного пения среди поющих сестер являлась в храме святая мученица и занимала свое прежнее место. Когда это случилось впервые, все инокини, узрев среды себя святую, устрашились, а Вриенна громко воскликнула:

- Вот пришла к нам дочь моя, Феврония!

При этом она с радостью устремила к ней, намереваясь обнять ее материнским объятием. Но святая тотчас же сделалась невидима. С того времени никто уже не дерзал прикоснуться к являвшейся, или сказать ей хотя бы слово; но с ужасом и удивлением каждый раз смотрели на нее, и от видения святой ощущали в себе великую радость и умилялись в сердце своем, невольно проливая слезы. В продолжение трех часов стояла святая среди поющих, зримая всеми, а затем снова становилась невидимою.

Епископ того города сильно благоговел пред именем святой Февронии: он основал во имя мученицы церковь, которую строил в продолжение 6-ти лет. Окончив строение церкви и украсив ее, он, в день памяти святой Февронии, собрал окрестных епископов для освящения церкви и хотел перенести в нее честные мощи мученицы. По совершении всенощного пения, епископы со всем собором священнослужителей пришли в монастырь и, помолившись, открыли гроб святой и увидели ее честные мощи, сияющие неземною красотою, подобно лучу солнечному. При этом все инокини плакали и рыдали, скорбя, что столь многоценное сокровище от них берется. Когда же руки епископа коснулись ковчега, чтобы взять его, тотчас же раздался в воздухе удар грома, столь сильный, что все пали от страха на землю. По прошествии одного часа епископ снова дерзнул коснуться ковчега; но вдруг сделалось такое землетрясение, что весь город поколебался. Тогда все уразумели, что святая мученица не хочет, чтобы ее мощи взяли с места погребения их. Епископ исполнился великой скорби и уже не дерзал более коснуться ковчега, но стал просить Вриенну:

- Послушай меня, сестра моя, - ты знаешь, с каким усердием воздвиг я, в славу и честь преподобномученицы, храм, на что потребовалось целых шесть лет. И вот святая мученица не соизволила послушать молитв моих и не хочет перейти в созданный в честь нее храм. Посему я умоляю тебя: возьми своими руками хотя один из отсеченных членов тела ее и дай нам, чтобы не остался без награды труд мой.

Вриенна простерла руку свою и дотронулась до одной руки святой, намереваясь подать ее епископу, - но рука игумении была удержана невидимою силою и сделалась как бы мертвою. Тогда Вриенна, проливая слезы, начала говорить, обратившись к святой как к живой:

- Молю тебя, дочь моя, святая мученица Феврония, не прогневайся на меня, мать твою, вспомни труды мои для тебя, а не уничижи старости моей.

Когда она сказала это, рука ее получила свободу.

После этого Вриенна снова сказала мученице со слезами:

- Подай нам благословение свое, госпожа наша, и снизойди на нашу просьбу к тебе.

Сказав это, она снова простерла руку, взяла один зуб мученицы, лежавший на персях, дала епископу и тотчас же затворила ковчег.

Епископ с радостью принял зуб тот, вложил его в золотой сосуд и, с другими епископами, клиром своим и со всем народом, возвратился к новосозданному храму, неся полученный дар с псалмопением, в сопровождении свечей и кадил, при всеобщем народном ликовании. Внеся этот дар в самый храм, епископы освятили его. В тот день в новоосвященном храме не мало было исцелений болящих, молитвами святой мученицы: хромые получали крепость ног и ходили, слепые прозревали, бесноватые освобождались от бесов; всякий, кто каким-либо недугом одержим был, едва прикасался устами к той малой части взятой от мощей мученицы и лобызал ее, тотчас же получал исцеление и отходил здоровым в дом свой, радуясь и благословляя Бога.

По освящении нового храма во имя святой Февронии преподобная игуменья Вриенна прожила еще два года, и, приблизившись к блаженной кончине своей, поставила вместо себя игуменией Фомаиду, после чего и преставилась ко Господу.

"Я же, - говорит списательница жития сего, игуменья Фомаида, - по преставлении матери нашей Вриенны написала житие и страдания святой мученицы Февронии, как я видела очами своими; а относительно Лисимаха написала то, что слышала из уст его самого. Всё это я написала для пользы читающих и слушающих прочитываемое, во славу Христа Бога нашего, со Отцом и Святым Духом славимого, ныне и присно и во веки веков". Аминь.

Кондак, глас 6:

Женише мой сладчайший Христе, взываше Феврония, не трудно ми тещи во след тебе; ибо сладость любви твоя, душу мою надеждою впериди; и красота милости Твоя, сердце мое улади, испити чашу страданий по тебе: да достоин мя в чертозе с мудрыми девами ликовать о Тебе сопричтеши. Темже преподобная страстотерпице, почитающе подвиги трудов твоих, молим тя: моли не затворитися и нам чертога дверем.

---

¹ Епарх - градоправитель, областеначальник.

² Сенатор - член сената, т.е. совета старейшин; впоследствии название сенатор стало почетным титулом.

³ Комит - спутник императора, или высшей чиновной особы; этим именем обозначались лица, состоявшие у них в свите.

⁴ Пальмира - некогда город Сирии, лежавший в одном из оазисов между Дамаском и р. Евфратом. Город этот был основан еще Соломоном. При Навуходоносоре он был razoren, но скоро, благодаря своему выгодному положению между Средиземным морем и долиною Евфрата, снова отстроился и сделался важным торговым пунктом. При Римлянах Пальмира с своею областью представляла одно время независимое государство, но потом она была покорена Римлянами: победители при этом разрушили город; но при императоре Диоклитиане он был восстановлен. Во времена Арабов город был снова разрушен и превратился в жалкую деревушку.

⁵ Т.е. исповедовал греко-римскую языческую религию.

⁶ Ассирия была расположена на восток от Сирии, с верхней, северной части Месопотамской равнины.

⁷ Диаконисса - церковная служительница. Служение диаконисс состояло в следующем: они готовили женщин к крещению, научая, как и что должны они отвечать на вопросы крещаемого и как вести себя после крещения, помогали епископу при крещении женщин и вместо него делали помазание частей тела, за исключением лба; смотрели за дверью церковною, в которую входили женщины в церковь, расставляли женщин по местам и наблюдали, чтобы они вели себя благочинно, присутствовали при беседах епископов и пресвитеров с женщинами, заботились о благотворительности по отношению к женщинам. В первые века диакониссы причислялись к клиру, а потом они поставлялись на свою должность по особому рукоположению; впоследствии рукоположение было запрещено, а затем прекратилось и самое служение диаконисс.

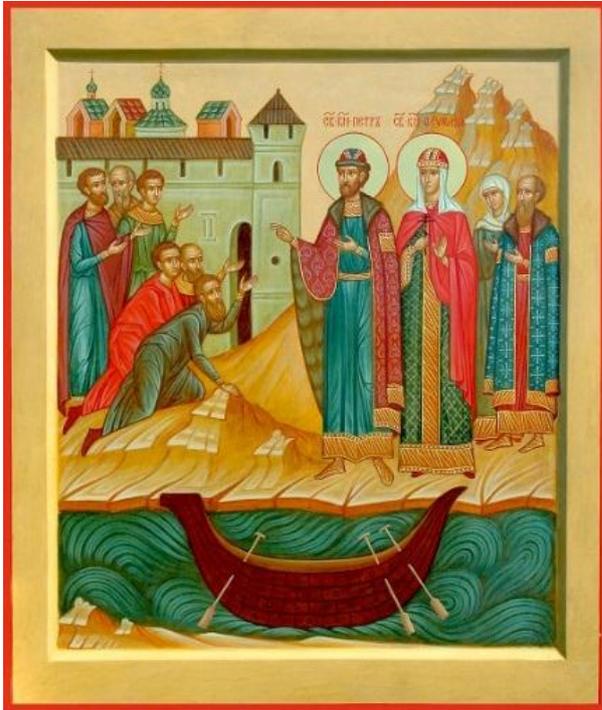
⁸ Память святой первомученицы Феклы совершается 24 сентября.

⁹ Разумеются состязания в борьбе и беге, происходившие чрез каждые 4 года в Олимпии, городе, находившемся на юге Греции. Состязания эти имели характер греческих национальных торжеств.

¹⁰ Анафема - значит отлучение. Это есть предание отлученного на суд Божий.

¹¹ Преторский дворец - дворец префекта, начальника провинции.

Память святых благоверных князя Петра и княгини Февронии, в иночестве Давида и Евфросинии, Муромских чудотворцев

Сей благочестивый князь Петр¹ происходил из благочестивого и святого рода², воспитан был в православной вере и целомудрии в городе Муроме³ и правил княжеством своим, во всем соблюдая строгую справедливость. Когда наступило время, он сочетался браком с благоверною княгиней Февронией, которая также происходила из благочестивого рода⁴ и тщательно была наставлена в благочестии. Будучи, таким образом, оба святыми и праведными людьми, блаженные Петр и Феврония любили чистоту и целомудрие и всегда были милостивыми, справедливыми и кроткими. Они избавляли от власти обижающих тех, кто подвергался обидам, достойно чтили лиц иноческого и священнического звания, подавая им материальные пособия, с великим милосердием относились к бедным и усердно упражнялись в посте и воздержании. Желая по слову Господа унаследовать землю

кротких⁵ и снискать себе вечное блаженство праведников, они кроме того и во всем прочем весьма много угодили Христу своими добрыми делами. Достигши затем маститой старости, блаженный Петр впал в телесный недуг и принял пострижение, при чем в иночестве ему дано было имя Давида. После сего, немного поболел, он с твердою верою преставился к Богу в царство небесное. Точно также и святая княгиня Феврония, исполняя искреннее свое желание, постриглась в иночество, получив в иноческом звании имя Евфросинии и подобно супругу своему с непоколебимою верою и чистою совестью преставилась, предавши душу свою в руки Божии⁶. Таким образом оба святые супруги унаследовали землю кротких, которой с юных лет так желали. После кончины блаженного князя Петра вельможи и бояре оплакивали его, как отца, горожане - как заступника своего и защитника, бедные вдовы и неимущие пропитания - как своего кормителя и помощника. Честные тела святых князя и княгини с торжеством проводили все жители города и похоронили их в одном гробе в городе Мурому. Святые и до сего дня чрез честные мощи свои совершают во славу Божию чудеса тем, кто с верою обращается к ним⁷.

Тропарь, глас 8:

Яко благочестиваго корене пречестная отрасль был еси, добре во благочестии пожив, блаженне Петре; тако и супружницею твою премудрою Феврониею, в миру Богу угодивше, и преподобных житию сподобистесе; с нимиже молитесь Господеви, сохранити без вреда отечество ваше, да вас непрестанно почитаем.

Кондак, глас 8:

Мира сего княжение, и славу временну помышляя, сего ради благочестно в мире пожил еси Петре, купно и супружницею твою премудрою Феврониею, милостынею и молитвами

Богу угодивше. Темже и по смерти неразлучно во гробу лежаще, исцеление невидимо подают; и ныне Христу молитесь сохранить град же и люди, иже вас славящих.

¹ Святой Петр - Давид, князь муромский, был вторым сыном муромского князя Юрия Владимировича. Он стал княжить в Мурому после старшего брата своего Владимира Юрьевича, вступив в управление княжеством 18 декабря 1203 года.

² Родоначальник муромских князей, князь Константин Святославич причислен к лику святых; память его празднуется 21 мая.

³ Муром в древности был центром северной ростово-суздальской области, ныне уездный город владимирской губернии.

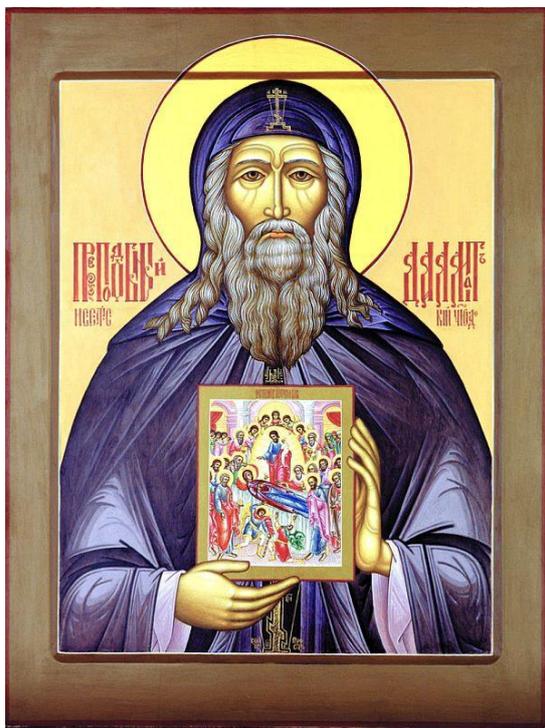
⁴ Есть предание, что святая княгиня Феврония по происхождению своему была простою поселянкою, дочерью "древлазца бортника" из деревни Ласковой, Рязанской губернии.

⁵ Мф. 5:5

⁶ Святые князь Петр и княгиня Феврония скончались в один день, 25 июня 1228 года, а по мнению преосвященного Филарета кончина их падает на 25 апреля 1228 года, причем 25 день апреля признается им за день их кончины, а 25 июня - за день открытия мощей. Прославление их началось в начале XVI века, а на Московском соборе 1547 года положено было местно праздновать память их. Впоследствии (вероятно с 1552 года) это празднование стало повсеместным.

⁷ "Блаженный Давид и Евфросиния, - говорит преосвященный Филарет, - в жизни своей были образцом христианского супружества, готовые на все лишения для евангельской заповеди о нерушимом союзе. И ныне они молитвами своими низводят небесное благословение на вступающих в брак. Так показывают многие опыты загробной жизни их".

Преподобный Далмат Исетский, Пермский

Дни памяти

23 июня - Собор Сибирских святых

8 июля

6 августа - Обретение мощей

Город Далматово – одно из первых русских поселений в Зауралье, старше соседних городов Шадринска и Кургана, старше даже Санкт-Петербурга, а город Каменск-Уральский начался с поселения на землях Далматовского монастыря на реке Железянке. Это время заселения Сибири русскими людьми – продвижение Российского государства на восток. Свое название город получил от Далматовского Успенского мужского монастыря, основателем которого стал в далеком 1644 году от Рождества Христова старец Далмат.

До пострижения в монахи преподобный Далмат в миру был Дмитрием Ивановичем

Мокринским. Родился он в 1594 году в городе-крепости (остроге) Березове. Жил в Тобольске, состоял на государевой службе, был женат, имел детей. Отец его был казачьим атаманом, мать, как некоторые считали, – дочерью новокрещенного татарина из рода мурзы Илигея, владельца земель по берегам реки Исети.

После смерти жены Дмитрий Мокринский ушел в Невьянский монастырь, где и был наречен Далматом. За свою начитанность и приверженность к вере Далмат пользовался таким уважением братии, что вознамерились они поставить Далмата наставником. Но, не

желая этой чести, стремясь к уединению, Далмат тайно покинул Невьянский монастырь и ушел на дальнейшее поселение, захватив с собою родовую икону Успения Божией Матери. Нет, не убогий старец уходил в иноческий подвиг, а человек, рассчитывавший на свои силы и Божию помощь. Ведь ему пришлось нести на себе не только тяжелую икону, но и все, что необходимо для уединенного бытия.

По совету жителя Киргинской слободы Семена Сосновского Далмат выбрал для уединения удобное в географическом отношении место – высокий обрывистый холм – берег реки Исети, урочище Белое Городище – при слиянии рек Течи и Исети. Первым жилищем его была пещера около чистого ключа.

Земли, на которых поселился Далмат в 1644 г., принадлежали татарскому мурзе Илигею и сдавались им в аренду для промыслов «ирбитцам и невянцам Королевым и Шипицыным». Илигей дважды пытался вооруженным путем изгнать Далмата из своих владений. Трудно сказать, каким образом старцу удалось одержать победу в борьбе за эти земли. Считалось, что успех Далмата был обеспечен его родством с Илигеем по материнской линии, но сочинение Исаака сообщает, что этот факт не соответствует истине. Оно таким образом описывает этот эпизод: «...прииде той Илигей татарин к старцу Далмату во образе аки зверя и хотя ево убить. Старец же, видев ево тако ярящася и помыслив человечески, воспомянув апостола Павла: «В Риме бывша римлянам назвася» и протчая, также и старец Далмат причелся к нему, татарину, родом понеже по сестре ево: «А мати моя от сибирских татар от новокрещена родилася». И то слыша оный Илигей татарин и абие преста на малое время от убийства».

Второй раз Илигей возжелал согнать старца, но Далмата спасло чудо – божественное прозрение татарского мурзы. По дороге к пещере Далмата Илигея настигла ночь, и во сне ему было видение: Богородица в багряных ризах с хлыстиком в руках повелевала татарскому мурзе не только не трогать старца, в том числе и злым словом, но и отдать ему вотчину. Илигея охватил ужас, и во искупление своих грехов он передал Далмату владения на Белом Городище весной 1646 г. Таким образом, монастырская легенда представляла передачу земельных угодий основателю монастыря как добровольное пожалование. Скорее всего, Далмат договорился с Илигеем об аренде этой земли за более высокую плату, чем предыдущие арендаторы – Королевы и Шипицыны.

Тобольский боярин Павел Шульгин описал монастырскую вотчину по тем межам, по которым Илигей отдал ее Далмату в присутствии родственников и соплеменников. Длина владений «от высокова Соснового Яру» до «Атяшу озера» составила примерно 90 верст, ширина – 25-30 верст. Наверное, с тех пор и пошла у монахов поговорка: «Вплоть до Атяша все наше».

Спустя 5 лет, в 1651 г., старцы обратились с челобитной к царю Алексею Михайловичу и тобольскому воеводе Б.Б. Шереметьеву с просьбой о пожаловании им этих земель. В 1659 году по указу царя были установлены границы монастырской вотчины. Получив царскую жалованную грамоту, монастырь стал законным владельцем земельных угодий на р. Исети. В дальнейшем территория монастыря еще не раз расширялась за счет приобретения татарских земель.

Монастырь занимал выгодное стратегическое и географическое положение и поэтому стал своеобразными воротами для заселения обширного Исетского края. Он с первых лет основания манил к себе все новых и новых поселенцев. Первыми русскими поселенцами были исетские казаки, потомки казацкой дружины Ермака. Слух о новом монастыре распространился, и сюда стали прибывать люди из Верхотурского уезда, с Усоля и других мест, принося сюда свои фамилии и прозвания, живущие и поныне.

К 1651 г. первые насельники Далматовой пустыни построили на Белом Городище по благословию Тобольского архиепископа Герасима (Кремнева) деревянную часовню, келлии и ограду – первые постройки будущего монастыря. Но им было суждено простоять недолго. Как сообщают документы, «в то лето по всей Исети никто русских людей не живал нигде, и пришли на них (т.е. жителей монастыря) ратию калмыцкие люди, и часовню и

келлии у старцев и трудников пожгли и побили, а иных в полон побрали, только осталась на пожаре в пепле икона Пресвятыя Богородицы невредима, и старец Далмат сохранен бысть». С тех пор икона Успения Пресвятыя Богородицы считается защитницей и покровительницей Далматовского монастыря. Эта икона была принесена на Белое Городище Далматом из Невьянского монастыря. Вновь вокруг Далмата собрались сподвижники, и монастырь возродился. Были построены церковь во имя Успения Богородицы, келлии, монастырские службы, ограда с башнями.

В 1662–1664 гг. пустынь опять подверглась опустошительным нападениям башкирских кочевых племен и внуков последнего сибирского хана Кучума. Но после каждого разорения обитель вновь отстраивалась. Старец Далмат пережил тяжелые годы бедствий и испытаний. Несколько раз он был близок к смерти, дважды на его глазах монастырь был уничтожен до основания, и дважды он снова возводил его из груды пепла и развалин.

Далмат, не искавший по своему смирению суетной славы и власти, до самой смерти остался лишь простым старцем-иноком, несмотря на то, что ему как основателю, устройтелю и руководителю монастыря по праву принадлежало и настоятельство в нем. Но хотя официально монастырем управляли другие старцы (так, в 1667 г. игуменом монастыря был назначен сын Далмата Исаак), авторитет Далмата был велик, и его слово было решающим. Он всегда был сторонником строгого соблюдения религиозных канонов, и никакие обстоятельства не могли заставить его отступить от них. В таком же духе он наставлял и монастырскую братию.

Умер Далмат 25 июня 1697 г. в возрасте 103 лет. Следовательно, год его рождения – 1594 г. Он был похоронен в монастыре на месте самой первой церкви, когда-то сожженной кочевниками. Еще при жизни Далмат изготовил себе гроб (выдолбил из большого дерева), который долгие годы хранился в сарае. Для захоронения Далмата был сооружен кирпичный склеп. В 1707 г. над склепом была построена деревянная усыпальница или часовня.

Усыпальница Далмата была главной святыней монастыря. За ней следили, восстанавливали после пожаров, подновляли, украшали. Сама гробница была расписана сюжетами и стихами о первоначальной истории монастыря и иноческом подвиге ее основателя.

Братия монастыря бережно хранила память о «начальном» старце, его вещи стали своеобразными символами торжества православной веры. Это шишак и кольчуга, подаренные Далмату мурзой Илигеем в знак примирения, келейная мантия и клобук. Позже, после смерти архимандрита Исаака, в усыпальнице появились его посох, мантия и клобук, а сам он был погребен в придельной церкви во имя преподобного Дмитрия Прилуцкого.

От года к году все больше людей приходило в монастырь, чтобы помолиться в усыпальнице Далмата, взять воды из родника. Народная память хранила рассказы о выздоровлении страдавших недугом после молитвы в часовне Далмата, а вода из родника считалась целебной. Далмата стали считать покровителем воинов, и перед отправкой в армию молодые люди обязательно приходили к его гробнице, надевали на себя кольчугу и шишак, тем самым как бы получая оберег. Таким образом, народная молва создала вокруг имени Далмата, его могилы и вещей ореол святости.

В 1871 г. на могиле инока Далмата был построен новый каменный храм Всех Скорбящих радости. Алтарь и собственно храм находились в середине здания и были окружены различными помещениями: с востока – для ризницы и церковной утвари, с юга – «для бесприютных и страждущих духовных лиц», с севера – для престарелой немощной монашествующей братии.

В 1896 г. над могилой преподобного Далмата в память исполнявшегося 250-летия существования Далматовской обители вместо деревянной часовни была возведена каменная усыпальница. В новой усыпальнице была воссоздана прежняя обстановка. Изнутри ее стены были украшены живописью на темы жития старца Далмата. Так же, как и в деревянной часовне, за гробницей стоял больших размеров крест-распятие с

предстоящими, «все лица живописи старинной». На северной стене усыпальницы были размещены портреты Далмата и его сына – архимандрита Исаака. По утверждению Г. Плотникова, эти портреты были написаны масляными красками с натуры.

К 300-летию преставления святого в 1997 г. были составлены ему служба и акафист. В 2004 году по благословению патриарха всея Руси Алексия II преподобного Далмата Исетского причислили к местночтимым святым Курганской епархии, почитаемому в лике Собора Сибирских святых, с установлением дня памяти 8 июля.

Тропарь, глас 2

Дивный и славный угодниче Христов,/ славы и почестей всяческих бегая,/ в пустыни Исетской вселился еси,/ созидавая в молитвах обитель твою, аки стены Иерусалимския,/ заступничеством Царицы Небесная чудесно обрел еси,/ страхом Божиим к стопам твоим повергая бывшего врага// и вновь воздвигни сердца наша, отступлением оскверненныя.

Кондак, глас 2

Молитвами и верою обитель свою оградивый,/ землю Исетскую изрядно преобразивый,/ блаженным успением честное старчество запечатлевый,/ явлением мощей твоих нас не оставивый,/ отче наш преподобне Далмате,// и ныне предстани и заступи чтущих святыю память твою.

Исповедник Никон (Беляев), Оптинский, иеромонах

Дни памяти

24 октября - Собор всех святых, в Оптиной пустыни просиявших

1 ноября - Собор святых Архангельской митрополии

8 июля

7 февраля (переходящая) - Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской

Преподобноисповедник Никон родился 26 сентября 1888 года в Москве в семье Митрофана Николаевича и Веры Лаврентьевны Беляевых и в Крещении был наречен Николаем.

Дед Николая по матери, Лаврентий Иванович Швецов, был круглым сиротой. Его подобрал на улице некий небольшого достатка купец и определил работать в своей лавке на Балчуге в Москве. Купец был человеком одиноким и, видя исключительную религиозность и добросовестность Лаврентия, завещал ему свою торговлю. Дела у Лаврентия Ивановича пошли успешно, и в конце концов он стал владельцем трех лавок. Занимаясь всю жизнь торговлей, он говорил и любил повторять: «Чужая копейка,

внесенная в дом, как пожар, сожжет его»¹, что неправильно говорят: не обманешь – не продашь: «Я за всю мою жизнь никогда никого не обманул ни разу, а дело мое шло всегда лучше, чем у других»². Лаврентий Иванович любил посещать церковь Божию и сам иногда пел на клиросе. В течение тридцати трех лет он был старостой церкви святых равноапостольных Константина и Елены в Кремле, в которой находилась чудотворная икона Божией Матери «Нечаянная Радость». Церковь была изрядно повреждена французами во время нашествия Наполеона, и Лаврентий Иванович принял большое участие в ее восстановлении. Он сподобился тихой и мирной христианской кончины: в 12 часов дня он приобщился Святых Христовых Таин и к вечеру отошел ко Господу.

Отец Николая, Митрофан Николаевич Беляев, был выходцем из семьи крестьян Воронежской губернии. Из четырнадцати детей он был младшим. Семья была бедной, и Митрофан Николаевич ушел пешком на заработки в Москву и устроился рабочим при магазине «Мюр и Мерилиз». Отличаясь большими способностями и трудолюбием, он вскоре стал продавцом, а затем заведующим мануфактурным отделом. Пленясь внешним успехом, он мало заботился о своем характере и нраве, которые с удачей все более портились, и в конце концов он рассорился с хозяином и открыл свое дело. Все пошло сначала успешно, но бывший хозяин оказал противодействие его делу и добился того, что Митрофан Николаевич разорился. Он женился на вдове, у которой было две дочери, но она вскоре скончалась, и Митрофан Николаевич женился на Вере Лаврентьевне Швецовой. Венчались они в церкви Большое Вознесение у Никитских ворот. У них родилось восемь детей – две дочери и шесть сыновей³. Впоследствии Митрофан Николаевич стал служить у Лаврентия Ивановича, и вся семья переехала к нему жить на Большую Ордынку.

Семья Беляевых имела благочестивые устремления, но, как и многие в то время городские семьи, не понимала важности церковной жизни, не придавала значения постам, не имела представления о духовной литературе и вообще о том, что кроме внешнего соблюдения обрядов столь же важно для человека внимание к своему внутреннему духовному миру, который требует о себе попечения даже значительно большего, чем попечение о плоти. Митрофан Николаевич, по воспоминаниям сына Ивана, «церковь... любил. Но он любил ее так, как большинство мирян того времени. Он не вникал в глубину христианского вероучения. Ходил во храм все праздники, наслаждаясь пением и диаконскими голосами»⁴.

Когда Николаю исполнилось пять лет, он тяжело заболел и лежал уже бездыханен, посинел и даже похолодел, так что отец уже думал, что он умер, но мать не теряла надежды, растирала его мазью и горячо молилась святителю Николаю Чудотворцу о даровании сыну жизни. И совершилось чудо: болезнь остановила свое течение, и Николай выздоровел. Впоследствии оптинский старец, игумен Варсонофий^a, так сказал ему о происшедшем: «Конечно, это из ряда вон выходящий случай. Собственно, не случай, ибо все происходит с нами целесообразно... Вам была дарована жизнь. Ваша мама молилась, и святитель Николай Чудотворец молился за вас, а Господь, как Всеведущий, знал, что вы поступите в монастырь, и дал вам жизнь. И верьте, что до конца жизни пребудете монахом...»⁵

---

¹ Дневник послушника Николая Беляева (преподобного оптинского старца Никона). М., 2004. С. 429.

² Там же.

³ Впоследствии все они, кроме отца Никона, во время гонений на Церковь в 1930-х годах потеряли веру – одни потому, что сердце не взрыли трудом и потому во время скорби и гонений за слово отпали от Бога, другие – потому, что семена, посеянные родителями и Церковью, были заглушены терниями житейских попечений и сластей, третьи – как Алексей, поработился страстью винопития и окончил жизнь самоубийством. Воистину, сам человек выбирает свою дорогу. И свет Божественный, если ты сам заградился от него, поработившись миру и его злу, не сможет проникнуть в тебя насильно.

⁴ Дневник послушника Николая Беляева (преподобного оптинского старца Никона). М., 2004. С. 421.

⁵ Там же. С. 47.

Николай имел доброе, отзывчивое, способное к глубокому сочувствию нуждающимся сердце. Он писал о себе в дневнике: «Нужды материальной я никогда не испытывал. Даже напротив, от пелен до смерти дедушки^b, то есть до тринадцатилетнего возраста, я жил чуть ли не в роскоши. Кроме того, был любимцем бабушки, да, кажется, и дедушки. Одним словом, мне хорошо жилось. Помню, устраивалась у нас елка на Рождество: детское веселье, конфеты, блеск украшений – все это радовало меня. Но помню хорошо один вечер. Я один около елки. В комнате полумрак, горит лампа, и тень от елки падает на большую половину комнаты. И вот какая мысль у меня в голове: я сыт, одет, родители утешили меня прекрасной елкой, я ем конфеты, в комнате тепло... Но есть, я знаю, такие дети, у которых нет даже необходимого. Об елке и речи быть не может: они полураздеты, просят милостыню на морозе или голодные сидят в холодных подвалах...»⁶

«Помню, что я часто даже в играх, которые любил, чувствовал неудовлетворенность, пустоту. Я не знал, куда мне поступить из гимназии, что выбрать, какую отрасль науки, какой, сообразно с этим, путь жизни. Ничто мне не нравилось так, чтобы я мог отдаться тому, что выбрал. Был у меня переворот в жизни, когда все вокруг было заражено социальными идеями в нашем юношеском кругу. Мне эта маска, которой прикрыто дело дьявола, ведущее в пагубу, сначала как бы понравилась, хотя я и не мог ее совместить с верой в Бога, в которой и о которой я ничего не размышлял и не давал отчета, имея скорее превратное понятие о вещах веры, например о монашестве.

Я прежде совсем не давал [себе] отчета, что такое монашество, потом осуждал всех монахов вообще; потом, за несколько месяцев до приезда в Оптину в первый раз, я начал сомневаться в монашестве – богоугодно ли оно? И сомневался до последнего времени, до самого поступления в скит, и, вероятно, даже по поступлении были сомнения. Теперь, слава Богу, все затихло, и истина доказывается моим собственным опытом, чтением книг и тем, что вижу и слышу. Как благодарить мне Господа? Какого блага сподобил меня Господь! Чем я мог заслужить это? Да, здесь исключительно милость Божия, презревшая всю мою мерзость. Действительно, как я сам мог прийти в скит, не веря в идеал монашества, не имея положительно никакого о нем понятия, осуждая монахов, живя самой самоугодливой жизнью, не желая подчинять свою волю никому из смертных, не молясь ни утром, ни вечером (правда, ходя довольно часто в церковь), читая исключительно светские книги

(исключая книгу епископа Феофана перед самым отъездом в Оптину), думая даже о браке? Один ответ: Господь привел...

Замечу еще раз, что церковь (этому я придаю огромное значение – может быть, это была одна из самых главных причин, приведших меня в обитель и к Богу...) лет с двенадцати-тринадцати я не покидал, несмотря ни на что...»⁷

Николай вспоминал о своем религиозном пути: «Первым моим духовником был протоиерей отец Сергей Ляпидевский, уже скончавшийся, вторым – его сын, отец Симеон Сергеевич. Несмотря на религиозность мамы, бабушки, дедушки, папы – они нас редко посылали в церковь, особенно зимой, боясь простуды. А ребенок сам пойти не может. Нас и баловали, и ласкали, но вольничать не позволяли, уйти без спросу мы не смели.

⁶ Дневник послушника Николая Беляева (преподобного оптинского старца Никона). М., 2004. С. 193.

⁷ Там же. С. 114-115.

Однажды на исповеди, кажется, отец Симеон Сергеевич сказал мне, что необходимо ходить в церковь по праздникам. “Это – долг перед Богом”. Я поразмыслил об этом и согласился. С тех пор я стал часто ходить в церковь, даже в будни, когда был свободен. И это обратилось в привычку. Ходил я также и к вечерним беседам по воскресеньям. Правда, ходил больше из-за “интереса”, но все же иногда бывало что-то вроде умиления. Помню, однажды за беседой я, стоя на клиросе, слушал проповедь и заключил в конце концов так: “Как бы провел я время дома, не знаю, а здесь все-таки душеполезное услышал”.

Услышав однажды о грехе суеверия, я приложил слышанное к жизни и отверг все суеверное – например приметы. Услышав однажды о грехе воззрения на девушек и жен с похотением, я даже... опечалился: это доставляло мне удовольствие. Как быть? Смотреть грешно, а не смотреть – лишит себя удовольствия. И решил я, что смотреть можно, только без похотения. Такой сделкой со своей совестью я как бы успокоился: взяла верх плотская сторона.

Представилось новое искушение: предложили мне учиться танцевать, но танцы назначались как раз во время вечерни. Куда склониться? Помню, был 6-й глас на “Господи, воззвах”, мой в то время самый любимый догматик: “Кто Тебе не ублажит...”. И туда, и туда хочется. Долго я боролся, долго был в нерешительности, и... о, позор, позор! погрел я совесть и пошел танцевать. Совестно вспомнить! Как враг старается удалить от церкви, если ходишь даже и с равнодушием»⁸.

Окончив гимназию, Николай поступил в Московский университет, но проучился недолго. Он вспоминал: «В университете я успел проучиться немногим более полугода... После Рождества мои мысли и стремления к богоугождению начали несколько формулироваться, и я стал посещать университет хотя и ежедневно, но с некоторой целью... под предлогом занятий в университете я уходил утром из дома. Приходил в университет и был там до 9 часов, а с 9 часов отправлялся в Казанский собор к обедне, предварительно заходя по дороге к Иверской, если там народу бывало не очень много. Отслушав литургию, стоя иногда даже всю литургию на коленях, я не спеша отправлялся домой и заходил по дороге в часовню Спасителя и, помолвившись там, уже без задержек направлялся домой. Дома я, напившись чаю, садился читать Евангелие, которое и читал более месяца или месяц. Когда Евангелие было прочитано, я начал читать Апостол и “Путь ко спасению” епископа Феофана; читал иногда листочки и брошюры духовного содержания.

Вечером я начинал писать дневник, потом немного молился и ложился спать. Так проходил день, за ним другой. Я все более и более чувствовал необходимость переменить жизнь, начать жизнь иную и молился об этом, конечно своими словами. Господь услышал мою грешную молитву и непостижимыми судьбами направил меня в Оптину на иноческий путь...»⁹

В феврале 1907 года Николай пожелал сознательно исповедаться и причаститься Святых Христовых Таин, что и исполнил, исповедавшись иеромонаху Чудова монастыря Серафиму, в первый раз подходя к Таинству исповеди не формально, а сознательно желая примирения с Богом и соединения с Церковью.

Николай поведал о своем намерении поступить в монастырь священнику Петру Сахарову, законоучителю в гимназии. Тот не чувствовал, что может решить этот вопрос самостоятельно, и направил его к своему товарищу по Духовной академии епископу Трифону (Туркестанову). Это было перед Великим постом в 1907 году, в Неделю о блудном сыне. При встрече присутствовала мать Николая, Вера Лаврентьевна. Владыка сказал ей о сыновьях, Николае и Иване, возжелавших поступить в монастырь: «Не беспокойтесь, они увидят там только хорошее, и это останется у них на всю жизнь».

Вечером 23 февраля братья выехали в Оптину, «не имея о ней, – как писал Николай, – ни малейшего представления. Недели за две до того времени я не знал, что Оптина

---

⁸ Там же. С. 165-166.

⁹ Там же. С. 240-241.

существует»¹⁰. 24 февраля, в день обретения главы святого Иоанна Предтечи, они впервые увидели Оптину. Побыв некоторое время в монастыре, Николай захотел остаться здесь, но все монахи, которые постарше, советовали пожить еще в миру, и отец настоятель также не захотел принять. Однако на прощание предложил зайти к нему, дал общие правила молитвы и жизни и, благословив иконой Божией Матери «Споручница грешных», сказал: «Благословляю вам, Николай Митрофанович, на радость родных и знакомых и на пользу души вашей».

Восемь месяцев после этого Николай прожил в миру, по благословению епископа Трифона окормляясь у игумена Богоявленского монастыря Ионы; в монастыре он пребывал иногда до позднего вечера, когда уже и двери запирались. Отец Иона настаивал, чтобы юноша скорее уходил в монастырь.

5 декабря 1907 года Николай и его брат Иван приехали в Оптину; 7 декабря, в день памяти святителя Амвросия Медиоланского, когда именинником бывал старец Амвросий, скитоначальник игумен Варсонофий благословил их переезжать в Оптину пустынь; 9 декабря, в день праздника иконы Божией Матери «Нечаянная Радость», они выехали из Оптиной в Москву для окончательного устройства дел в миру. 23 декабря они были уже в Оптиной, а 24-го – поселились в келье в Предтеченском скиту.

Наставляя Николая перед принятием в скит, скитоначальник отец Варсонофий в назидание рассказал ему, какую он имел беседу при своем поступлении в скит со старцем Анатолием (Зерцаловым)^c, которому поведал тогда, что хотел бы жить поединеннее, в затворе.

«– Что же, и в баню ходить не будете? – спросил отец Анатолий.

– Конечно.

– Да, вот я про то-то и говорю, что в баню ходить не будете.

– Вы, Батюшка, – говорю я, – что-то под “баней” разумеете иное?

– Да, пустыня, затвор не очищают нас. Я в пустыне со своими страстями могу жить – и не грешить по видимому. Нам нельзя там познать всю немощь свою, свои пороки, раздражение, осуждение, злобу и другое. А здесь нас чистят: как начнут “шпиговать”, только держись, – мы и будем познавать свои немощи и смиряться. Здесь без вашей просьбы начнут вас чистить. Когда только поступаешь, все кажутся Ангелами, а потом начнешь видеть пороки, и чем дальше, тем больше, – с этим надо бороться»¹¹.

«Духа надо держать. Дух животворит, буква умерщвляет^d. Если видеть в монашестве одну форму, то жить не только тяжело, но ужасно. Держитесь духа. Смотрите, в семинариях духовных и академиях какое неверие, нигилизм, мертвечина, а все потому, что только одна зубрежка, без чувства и смысла. Революция в России произошла из семинарии. Семинаристу странно, непонятно пойти в церковь одному, стать в сторонке, поплакать, умилиться, – ему это дико. С гимназистом такая вещь возможна, но не с семинаристом. Буква убивает»¹², – добавил отец Варсонофий.

29 января 1908 года, в день, когда празднуется память священномученика Игнатия Богоносца, Николая и его брата Ивана одели в послушническую одежду. Вручая им четки, игумен Варсонофий сказал: «Вот вам оружие, нещадно бейте им невидимых врагов. Прежде всего имейте всегда страх Божий, без него вы ничего не достигнете. Теперь для вас начинается новая жизнь. Хоть вы и жили в скиту, да все было не то. Теперь везде идет разговор у бесов: “Были почти наши, теперь пришли сюда спасаться – как это можно?” Но не бойтесь»¹³.

---

¹⁰ Там же. С. 227.

¹¹ Там же. С. 30-31.

¹² Там же. С. 31.

¹³ Там же. С. 36.

Давая наставление и благопожелания послушнику Николаю, отец Варсонофий сказал: «Вообще постарайтесь еще при моей жизни утвердиться здесь. А то, что будет после меня, неизвестно. Я молю Бога, чтобы мне протянуть еще полгода или год, чтобы вас укрепить»¹⁴.

Николай поведал старцу смущающие его мысли, будто современное монашество уклонилось от своих идеалов. Старец ответил на это: «Да, да, уклонилось. Однако диаволу и это [монашество] не очень нравится, коли он так восстает против современного монашества. Этим монашеством держится весь мир. Когда монашества не будет, то настанет Страшный Суд»¹⁵.

Милостью Божией Николай сразу оторвался от мира. У него не пошло в ход и не стало развиваться мирское умонастроение, как бывает, когда новопоступивший послушник начинает интересоваться происходящими в монастыре внешними событиями, сначала слухом, а потом уже внутренне, в помыслах обсуждать, кто каков и какой жизнью живет, и, будучи еще не укреплен на поприще мысленной брани, побеждается натиском помыслов, которые в конце концов обращаются в бурю возрастающими в сердце страстями. Для послушника – это гибель, а для монастыря – искушение, так как такие умонастроения порождают и общие монастырские нестроения. Из ничего возникают, а потом словно буря какая пронесется над «тихой» обителью. Но Николай знал только свою келлию и старца Варсонофия¹⁶.

---

¹⁴ Там же. С. 31.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Не то случилось с братом Николая, Иваном. Он ушел из Оптиной пустыни сначала в армию, а затем в мир. Впоследствии, на склоне лет и разбитой, исковерканной жизни, пытаясь разобраться в причинах происшедшей с ним беды, он писал: «...Горе мое началось с того, что я никому (даже и старцу) не говорил о некоторых своих искушениях. Правда, я был чист, но служил соблазном другим... Оно могло бы быть для меня и безгрешно, если бы я не осуждал и не зазирал других и притом не малых людей. А кого в чем осудишь – неизбежно в том же осужден будешь!...» // АОП. Фонд новомучеников и исповедников. Во время своей поездки на Афон Иван был пострижен келейно в монашество // ГАКО. Ф. 33, оп. 2, д. 1927, л. 634. Презрев данные им обеты, Иван ушел в мир и женился на девушке, которая если и имела вначале веру, то быстро потеряла ее. Отвернувшись от Христа и от Церкви, Иван всецело погрузился в мирские заботы, стремясь достигнуть материального благополучия, добиться успехов в карьере. Он стал выступать с атеистическими лекциями, и если обычный лектор мог удерживать внимание слушателей не более 10-15 минут, то Ивану удавалось занимать их внимание по целому часу.

Мать его, Вера Лаврентьевна, скончалась в 1926 году, и отец Никон отпевал ее. «Гроб, – вспоминал впоследствии Иван Митрофанович, – выносили четыре... брата: Владимир, я, Митрофан и Алексей. После погребения я почти сразу ушел на судебное заседание (в то время я был народным судьей) и почти ничего не удалось мне говорить с братом. Да я в то время не очень этого и хотел. Больше я брата не видел и не переписывался с ним. Даже и не знал толком, где он и что с ним. Как же это может не лежать тяжким бременем на душе моей...» // АОП. Фонд новомучеников и исповедников.

Не воспитывали они с женой в вере и дочь, даже и не поминали дома о Боге. Икон в доме не было, и книг духовных также. Ехавшая к отцу Никону в 1931 году женщина зашла к Ивану Митрофановичу спросить, не хочет ли он помочь брату, но Иван тогда настолько уже духовно ослеп, что встретил ее холодно, с каменным сердцем, подав в помощь лишь несколько рублей. Случайная встреча с одетым в монашеское человеком, знакомым по Оптиной, во дворе дома на глазах соседей привела Ивана Митрофановича в ужас, обнаружив все его тогдашнее малодушие.

Но все возвращается на круги своя. Как бы человек ни загоразивался и ни отказывался от Бога, как бы ни затирал и ни затапывал заповеди Божии, прописанные в его сердце, они огненным пламенем проступали и жгли, как будто неугасимый огонь геенский уже начинал охватывать душу. Когда Ивану Митрофановичу перевалило за шестьдесят, он снова вернулся к Богу, но как горько и мучительно было осознавать, что сорок лет прошли даром, были наполнены исключительно грехом и страстями. И как умолишь Бога о прощении за жизнь, столь долго оскорблявшую Бога? Будучи уже стариком, он восстановил отношения с духовными детьми отца Никона. Он писал им: «...Мой страшный провал, который был в моей жизни, ужасно мучает меня. Много я сам до сих пор не понимаю из того, что было в то время этого пленения вавилонского... Тяжело мне! Правда, я искренне, горячо и честно принес покаяние Господу Милосердному, и поистине я ощутил, что получил прощение, но это не все... ведь всякий грех, всякое преступление, долго владевшее сердцем и умом, тем и страшнее, что оставляет след по себе, такие страсти, что они яко бремя тяжкое отяготеша на мне... Теперь как-то особенно я скорблю, что я отошел от тех людей, тех праведников, которые были мне когда-то самыми дорогими в моей жизни. Я говорю о брате, отце Никоне, и об отце Кирилле Зленко. Дороже их у меня в жизни никого не было. И тем не менее я совершенно

В скиту Николай нес послушание в саду, был помощником библиотекаря, но основным его послушанием вскоре стало секретарское, у скитоначальника игумена Варсонофия. Отцу Варсонофию полюбился тихий послушник, и он сказал ему: «С первого же раза я расположился к вам и верую, что сохранится это расположение на все время, которое мне осталось жить... Оставайтесь здесь монахом до конца своей жизни. А основание монашеской жизни – смирение. Есть смирение – всё есть, а нет смирения – ничего нет. Можно даже без всяких дел, одним смирением спастись»¹⁷.

С самого начала жизни в Оптиной пустыни Николай по благословению старца Варсонофия взял себе за правило вести дневник. 17 марта 1908 года он записал: «Свободного времени очень мало, так что все время теперь, с начала поста, я прохожу послушание помощника библиотекаря, а в библиотеке сейчас очень много дела.

оторвался от них. Это меня страшно мучает! Все, что связано с их памятью, мне ныне стало так дорого!..» // АОП. Фонд новомучеников и исповедников.

«...Жизнь моя так изуродовалась, что я не могу даже часто переписываться с близкими сердцу моему. А ведь душа тогда, как птица в клетке, так и рвется к воздуху духовному, к беседам сердечным в Господе...» // АОП. Фонд новомучеников и исповедников.

«...долго я бродил в стране далече, уязвихся, уранихся... И как трудно исцелиться от поистине неисцельных язв! Трудно и от себя самого, трудно и от той обстановки, в которой приходится жить. На конверте я поставил адрес (на который и прошу писать мне) одной Божией старицы, а не свой домашний, так как письма, приходящие на мое имя, если только не попадают прямо в мои руки, то вообще до меня не доходят. Этим путем мои домашние хотят оградить меня от общения с верующими. Только когда дома никого нет, я свободен. Но как? Икон повесить нельзя (не говоря уже о лампаде!); книжки духовные держу не дома, а у друга, так как боюсь их уничтожения (что уже и было)...

Между тем мне очень хочется жить как следует, и в частности восстановить то, оптинское, что я так безумно утратил!..» // АОП. Фонд новомучеников и исповедников.

«...Моя Н.Н. [супруга Ивана Митрофановича Надежда Николаевна], к скорби моей, все больше отходит от Бога под влиянием чтения и телевизора...» // АОП. Фонд новомучеников и исповедников.

«...И каждый день приносит новые болезни, новые грехи, бремя увеличивается, а время сокращается. Страшно и подумать, сколько драгоценного времени погублено для вечности, сколько за это время укоренилось страстей и как мало осталось времени для покаяния!..» // АОП. Фонд новомучеников и исповедников.

«...Моя жена, которая лучше всех знает мои недостатки, часто бранит меня. Иногда за дело, а то и так – отводит на мне все свои невзгоды и по службе, и по дому. Бывает это и невтерпеж. А как поразмыслю серьезно, то вижу, что только она одна воздает мне должное в это время (почти каждый день)...» // АОП. Фонд новомучеников и исповедников.

В конце концов жена Ивана Митрофановича, доставлявшая ему в последние годы много переживаний, умерла. Но ее смерть принесла еще горшие страдания, потому что и в безбожестве жены он также был виноват. Омраченный малодушием и поглощенный темной пучиной страстей, он ведь ничего и не сделал для пробуждения в ее душе веры. Он писал духовным детям отца Никона: «...Прожил я со своей женой почти пятьдесят три года. Была она человеком слишком прямым и потому часто грубым, но она всегда была честной и искренней. Ей задурили голову безбожием... С каждым днем я все больше и больше убеждаюсь, что Надя веровала сердцем всегда, и все больше и больше чувствую я свою вину перед ней, что не сумел раздуть в ней искорку веры в пламень. А ведь он горел в ней в ее юности! Теперь это мое постоянное горькое, тяжкое и скорбное, и покаянное (запоздалое!) чувство...» // АОП. Фонд новомучеников и исповедников.

Возвращению Ивана Митрофановича в Церковь послужил и отец Рафаил (Шейченко), который в 1957 году писал ему: «Желание Ваше знать о многом общем, дорогим нашим сердцам побуждает мою к Вам любовь просить Вас пожаловать под кров моего недостойнства в любое время, где мы уста ко устам вспомним былое и выскажем свои думы. Я буду весьма рад заключить Вас в свои объятия как собрата о Христе и брата, ближайшего из всех оптинских иноков, дорогого и незабвенного батюшки отца Никона... Да дарует и нам Господь покаянное сердце Закхея мытаря, возвращение, яко евангельского блудного сына, в объятия Отца и милость прощения» // АОП. Фонд новомучеников и исповедников.

Иван Митрофанович Беляев скончался в 1969 году. Незадолго до смерти он тяжело заболел, и его дочь Таисия, измученная уходом за отцом во время его болезни, положила его в больницу, где он через три дня скончался в твердой памяти, творя крестное знамение. Его отпевали в храме, а затем, в соответствии с его прижизненными распоряжениями, тело сожгли в крематории, а урну с прахом положили в могилу родителей в Донском монастыре.

¹⁷ Дневник послушника Николая Беляева (преподобного оптинского старца Никона). М., 2004. С. 73.

Вот как Господь подкрепляет меня, недостойного: совершенно не тягочусь постом и даже лучшей пищи не желаю; бывают помыслы о прежнем, да это так, мимолетно, даже не беспокоит... Стараюсь слушать службу, хотя это далеко не всегда удается, обыкновенно бываю очень рассеян за службой.

Прежде я ругал монахов, а теперь, когда сам живу в монастыре, вижу, как трудно быть истинным монахом. И живу я как в миру, ничуть не изменился: все страсти, все пороки, грехи, остался таким же развращенным, страстным человеком – только живу в келлии, в скиту, а не в миру. И не стал сразу Ангелом, чего я требовал прежде от всякого монаха без разбора, молодой ли он или старый и сколько живет в монастыре, и не желал ничего принимать в соображение. Теперь я начинаю понимать, что практическое знание, собственно, только и имеет смысл. Очень легко разглагольствовать и очень трудно “дело делать”»¹⁸.

А приблизительно через год он записал: «Все мои познания приобретены в скиту, вся формировка в нечто определенное моих убеждений и понятий произошла здесь, в скиту. Здесь, в скиту, я приобрел более, чем за всю мою жизнь в миру, более, чем в гимназии и университете. Не ошибусь, пожалуй, если скажу, что там я почти ничего не получил, хотя в миру от рождения прожил 19 лет, а в скиту не живу еще и года»¹⁹.

Достигнув сам значительных духовных высот, отец Варсонофий чувствовал себя одиноким даже и в единомысленном монашеском обществе, тем более что ему пришлось жить в то время, когда в Оптиной начались нестроения и распри, и потому беседы со смиренно и искренно настроенным послушником, жаждавшим научения и спасения, явились и для самого старца большим утешением; несмотря на различие в возрасте и опыте, у них были одинаковые духовные устремления, и между ними сложились близкие, почти дружеские отношения.

30 января 1909 года Николай записал в дневнике: «Батюшка во время разговора первый раз назвал меня своим сотаинником. Я этого не ожидал и не знаю, чем мог это заслужить. Спаси, Господи, батюшку. Я все более и более начинаю видеть, что батюшка – великий старец. И, к моему сожалению, батюшка все чаще и чаще говорит о своей смерти, что дни его “изочтени суть”...»²⁰

Подходило время, когда Николая могли призвать на военную службу, и он спросил отца Варсонофия, «можно ли молиться, чтобы Господь избавил от военной службы или нет? Батюшка отвечал, что нельзя. “Это надо всецело предоставить воле Божией, ибо прежде всего – это законно. И потом, мы не знаем, будет ли для нас полезно это. Молиться об этом равносильно тому, чтобы молиться об избавлении от послушания. Нет, уж лучше предоставим это воле Божией”»²¹.

Во время медосмотра призывников Николай из-за расширения вен на левой ноге был зачислен в ополчение второго разряда, то есть в число тех, кто не служит срочную службу. Вернувшись после медицинской комиссии в скит, он пошел поблагодарить о дарованной ему еще и на будущее время жизни в скиту на могилки старцев; поблагодарив старцев, он встретил отца Варсонофия и сказал: «“Благословите. Не приняли меня”». Батюшка обрадовался, даже несколько раз переспросил. Благословил... Затем обратился к востоку и начал молиться... “Велика милость Твоя, Господи!”»²².

Надвигалась новая эпоха, в которой все яснее стало ощущаться присутствие зловещего духа антихриста. Во многих охладевала любовь, которая в иных душах едва уже теплилась, подавляясь и угнетаясь плотскими страстями. Сердца стали узки и не вмещали других с их болью и скорбями, и люди стали отдаляться друг от друга, и множество даже и хорошего

---

¹⁸ Там же. С. 83-84.

¹⁹ Иеромонах Никон (Беляев). Дневник последнего духовника Оптиной пустыни. СПб., 1994. С. 70.

²⁰ Дневник послушника Николая Беляева (преподобного оптинского старца Никона). М., 2004. С.

²¹ Там же. С. 268.

²² Там же. С. 290-291.

настрою людей оказывались в одиночестве. Казалось, Дух Божий отходит от мира. Если раньше строительство церковное, «составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получало приращение для созидания самого себя в любви» [Еф.4,16], то теперь и оно почти замерло с отсутствием внутреннего духовного роста каждого. Из церковного общества стал исчезать дух самопожертвования и самоотверженности. Мало кто уже хотел быть приглашенным пройти с кем-то поприще, чтобы затем идти с ним и два. Изменялось само представление о смысле жизни и важности осознания ее смысла, содержание жизни стало уходить на периферию – во внешние дела, и потому в сердцах самих людей все утолщалась стена между этой временной жизнью и вечной, люди как бы теряли вход во врата вечной жизни, переставали ориентироваться в духовных вопросах и все более становились лукавыми чадами века сего, отчего сами становились глубоко несчастны и оттого часто мстительны.

«Я совершенно один... а силы слабеют... – пожаловался как-то старец послушнику. – Мы, я и батюшка^e... все вместе делали, друг друга утешали в скорбях. Приду, да и скажу: “Батюшка... тяжело что-то”. – “Ну что там, тяжело? Теперь все ничего. А вот придут дни...”. Да, а теперь-то они и пришли, – монахов много, много хороших, а утешить некому. Теперь я понял, что значит: “Придут дни”...»²³

«19 февраля батюшка сказал мне, – записал Николай в дневнике: “Я вам, брат Николай, не раз уже говорил и еще скажу: приходит мне мысль все бросить, уйти в какую-нибудь келью. Страшно становится жить, брат Николай, страшно. Только боюсь сам уйти, а посоветоваться не с кем. Если бы жив был отец Варнава^f, то поехал бы к нему, но и его уже нет. А сам – боюсь. Боюсь, как боится часовой уйти с поста, – расстреляют. В таком положении начинаешь понимать слова пророка Давида: “Спаси мя, Господи!..”. Если взять только эту часть фразы, то само собой разумеется, что никто не хочет погибели и не говорит: “Погуби меня, Господи”. Все и всегда могут сказать: “Спаси мя, Господи”. Но он прибавляет далее: “Яко оскуде преподобный” [Пс.11,1]. Не к кому обратиться, – Господи, спаси мя. Только теперь мне становится понятным, отчего бежали святые отцы от мира, именно бежали... Хотелось бы и мне убежать в пустыню...”

Незадолго до этого, как-то вечером, батюшка сам, не по моему вопросу, а сам начал говорить: “Прежде я не понимал, что делается в миру, а теперь, когда приходится мне сталкиваться с ним, он поражает меня своей крайней сложностью и безотрадностью. Правда, бывают радости, но они мимолетны, мгновенны. Да и какие это радости? Самой низшей пробы... А у нас – блаженство, даже немножко как бы похоже на рай. Бывают, конечно, и скорби, но это временно... Хорошо, кто заботится о внутренней, созерцательной жизни, ибо она даст ему все”»²⁴.

Отец Варсонофий говорил послушнику Николаю: «Всякому человеку нужно претерпеть время искушений и борьбы – тяжелое болезненное состояние. Про эти муки говорится в псалме: “Объяша болезни яко раждающая” [Пс.47,7], – и далее: “...и изведе мя на широту” [Пс.17,20]... Так и всякий человек, рождаясь духовно в новую жизнь, испытывает болезнь, пока еще не вышел на широту. Кто не испытал этих болезней, рождающих в миру, до монастыря, то ему необходимо испытать их в монастыре. И вам это предстоит, ибо вы не испытали этого в миру...

Вот видите, через какие горнила приходится проходить монаху на иноческом пути с начала до конца. И вот тут-то и нужна молитва Иисусова, и без нее ни одна душа не выдержит. Пока я жив, сколько уж продержит меня Господь, – вам ничего, а когда меня не будет, вы будете предоставлены самому себе. Поэтому теперь запасайтесь терпением заранее. А созерцанием всего этого не смущайтесь и не унывайте. Раскройте преподобного Феодора Студита и увидите, что все это и тогда было. А теперь научайтесь терпению»²⁵.

---

²³ Там же. С. 221-222.

²⁴ Там же. С. 226-227.

²⁵ Там же. С. 338-339.

«Неоднократно приходилось... слышать от батюшки, – записал Николай в дневнике, – как он говорил и мне и другим: “Лицемерие, двойственность, лукавство вообще погрешительны, а на монашеском пути это – прямая погибель. Надо твердо идти по пути, никуда не сворачивать, не служить и нашим и вашим...”»²⁶.

Часто отец Варсонофий беседовал с послушником Николаем о молитве Иисусовой, справедливо полагая, что она основное и самое надежное средство борьбы с врагом рода человеческого, и однажды спросил: «Какой признак Промысла Божия о человеке?»²⁷ Николай не сумел ответить, и отец Варсонофий сказал: «Непрестанные скорби, посылаемые Богом человеку, суть признаки особого Божия промысла о человеке. Смысл скорбей многообразен: они посылаются для пресечения зла, или для вразумления, или для большей славы...»²⁸ Затем он стал говорить о молитве: «Ее начало – тесный путь. Но приобретение внутренней молитвы необходимо... Внешняя умная молитва недостаточна, ибо она бывает [и] у человека, в котором присутствуют страсти. Одна умная недостаточна, а внутреннюю получают весьма немногие. Вот некоторые и говорят: “Какой же смысл творить молитву? Какая польза?” Великая! Ибо Господь, давая молитву молящемуся, дает человеку молитву или перед самой смертью, или даже после смерти. Только не надо ее оставлять”»²⁹.

Старец Варсонофий хотел, чтобы осознанием важности и значимости молитвы Иисусовой проникся и послушник; беседуя с ним, старец сказал: «Да, я занимался молитвой Иисусовой; дело шло, молитва начинала у меня разгораться... Но настоятельство у меня отняло ее... Молитва чуть дышит... Вот я часто задаю себе этот вопрос: “Что – выиграю я на этом своем посту или проиграю?”. Да, скажу я вам, враг вам все даст, что хотите: иеромонашество, власть, настоятельство, даже патриаршество, – но только не даст молитвы Иисусовой. Сколь она ему ненавистна! Все даст, только не ее...”»³⁰.

Как-то Николай записал в дневнике: «Вчера батюшка говорил, что до страшных времен доживем мы, но что благодать Божия покрое нас. Это батюшка сказал под впечатлением разговора о новейших изобретениях, которые, имея как бы и добрые стороны, всегда оказываются вредными более, нежели полезными, и даже, можно сказать, суть просто зло»³¹.

В Великую Пятницу 16 апреля 1910 года вместе с другими послушниками Николай был пострижен в рясофор. После пострига все пошли в келлию к отцу Варсонофию, и он сказал новопостриженным: «Прежде я говорил вам и теперь повторяю: смирение – всё. Есть смирение – всё есть, нет смирения – ничего нет. Вы получили рясофор. Это не есть какое-либо повышение, как, например, в миру, когда дают повышение, назначая в офицерский чин и прочее. И там получивший считает своим долгом гордиться своим повышением, а у нас не так. На монашеском знамени написаны слова: “Кто хочет быть большим, да будет всем слуга” [Мф.20,26; Мк.9,35,10:43]. Смиряться и смиряться... Теперь вас более будет утешать благодать Божия, но и враг будет озлоблять»³².

В феврале 1912 года смута в Оптиной и попытки светского общества убрать игумена Варсонофия из скита завершились указом Синода о назначении его настоятелем расположенного вблизи города Коломны Старо-Голутвина монастыря с возведением в сан архимандрита. Последовавший за этим протест братии был оставлен без внимания. Через год старец Варсонофий скончался.

24 мая 1915 года Николай был пострижен в мантию и наречен Никоном в честь мученика Никона; 10 апреля 1916 года он был хиротонисан во иеродиакона, а 3 ноября 1917 года – во иеромонаха.

---

²⁶ Там же. С. 340.

²⁷ Там же. С. 375.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 333.

³¹ Там же. С. 351.

³² Там же. С. 361-362.

В 1917 году к власти пришли безбожники, и началось время беспощадных гонений на Русскую Православную Церковь. «В феврале 1918 года небольшой отряд красноармейцев прибыл в Оптиную пустынь, грубо и бесцеремонно солдаты произвели осмотр монастыря и скита. Тогда же была сделана опись всего церковного имущества обители, включая богослужебные сосуды, иконы... 26 июня 1918 года был конфискован монастырский дом и другие постройки при мельнице на реке Другузне. 23 июля 1918 года иеромонах Никон (Беляев), по благословению настоятеля проводивший переговоры с представителями советской власти, доложил епископу Феофану (Тулякову)³³ о планируемой конфискации всех без исключения лошадей и что цель конфискации вовсе не нужды армии, как об этом заявляется, а расформирование монастыря. К 10 августа было решено удалить из Оптиной всех монахов. В монастырской гостинице на двери одной из комнат уже висела вывеска “Козельский Уездный Военный Комиссар”. Среди козельских комиссаров обсуждался вопрос о том, что нужно предложить всем монахам остричь волосы и поступить на светскую службу. 5 августа 1918 года уездный Комиссариат Социального Обеспечения потребовал от монастыря предоставить два корпуса для размещения в них детского приюта и богадельни.

Чиновники из учреждений советской власти, расположенные к обители, в частных разговорах неоднократно советовали братии для спасения монастыря и его хозяйства зарегистрироваться в качестве трудовой общины или артели»³³.

В 1919 году Оптинский монастырь был преобразован в племенное хозяйство, которое возглавил один из монастырских послушников. Новообразованное хозяйство пользовалось по договору всеми постройками монастыря, кроме хибарок старцев и библиотеки, после его ликвидации все монастырские постройки поступили в ведение музея. При музее был устроен кожевенный завод и деревообрабатывающие мастерские, в которых трудилось около тридцати монахов и послушников. В мае 1919 года заведующим музеем был временно назначен иеромонах Никон.

30 сентября 1919 года власти арестовали часть братии Оптиной пустыни и священников, служивших в храмах Козельского уезда, среди них был арестован и отец Никон³⁴.

Настоятель Оптиной пустыни архимандрит Исаакий^h писал 3 октября епархиальному архиерею: «...местные власти произвели обыск в помещениях преосвященного епископа Михея, казначея иеромонаха Пантелеимона и письмоводителя иеромонаха Никона. После обыска названные лица были арестованы и отправлены в козельскую тюрьму, а помещения их на другой день были запечатаны теми же властями...»³⁵

Описывая условия их содержания, настоятель писал 23 октября: «...заключенным в козельскую тюрьму преосвященному епископу Михею и иеромонахам Пантелеимону и Никону ежедневно доставляется пища и другое необходимое, чего они попросят, в том числе и книги для чтения. Их навещают близкие, а однажды по их просьбе послышался в тюрьму иеромонах со Святыми Дарами, и заключенные приобщались Святых Таин...»³⁶ После непродолжительного заключения в козельской тюрьме власти 17 ноября того же года освободили узников³⁷.

13 марта 1920 года командир 10-й бригады вооруженной охраны Асенаймер и помощник губернского военного комиссара Алмазов арестовали группу священнослужителей, монахов и мирян, имевших отношение к Оптиной пустыни, и среди

---

³³ Оптинский альманах. № 1. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь, 2007. С. 57.

³⁴ ГАКО. Ф. 1267, оп. 1, д. 4, л. 9.

³⁵ Там же. Д. 2, л. 18.

³⁶ Там же. Л. 21.

³⁷ Там же. Д. 1, л. 9, 15.

них отца Никона. Было постановлено: «Во избежание побега... заключить в губернскую тюрьму... до выяснения личностей и состава преступления»³⁸.

Личность отца Никона была вскоре выяснена, но никаких доказательств его контрреволюционной деятельности найдено не было, и 17 марта того же года Калужская Губчека распорядилась освободить его.

В 1920 году в музей прибыла ликвидационная комиссия, которая составила акт о передаче всего имущества монастыря Главмузею. В июле того же года часть церковного имущества была передана религиозной общине. В это время в Оптиной из насельников монастыря организовалось садово-огородное товарищество.

В 1922 году ликвидационная комиссия удалила из монастыря большую часть монахов, и с этого времени Оптина пустынь поступила в особое ведение ОГПУ: туда был направлен его представитель для постоянного наблюдения, у него хранились ключи от всех монастырских помещений, кроме церквей и музея.

9 марта 1920 года скончался скитоначальник схиигумен Феодосий, 30 июля 1922 года скончался иеросхимонах Анатолий (Потапов)¹, зимой того же года был арестован старец Нектарий¹, который благословил своих духовных детей обращаться к иеромонаху Никону; с этого времени отец Никон стал принимать на исповедь народ, продолжавший по-прежнему ехать в Оптину за духовным окормлением.

Осенью 1922 года отец Никон писал матери: «Христос посреде нас, дорогая мамаша. Мира и радования о Господе Иисусе усердно тебе желаю и прошу твоих святых молитв и родительского благословения.

О себе что писать мне? Я жив и здоров, нужд никаких особых не имею, необходимое все получаю, тружусь несколько в письмоводстве, много занят бываю различными делами по обители или, вернее, делами, касающимися вообще нашего общего жития, пою на клиросе и, наконец, служу, предстою престолу Божию во святом алтаре.

Что касается моей внутренней жизни и по келлии, и по душе, то это далеко не всем можно знать. Келлия моя в длину имеет пять аршин, в ширину три аршина шесть вершков, в одно окно. Келлия для меня дороже всяких пышных домов и чертогов.

Что касается условий нашего общего жития, то это дело сложное и вместе очень простое: сложное, ибо трудно изложить на бумаге все, что сейчас представляет бывший монастырь, и все, что мы переживаем и предпринимаем, – простое, ибо “аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущие”, по псаломскому слову (Пс.126,1). Да, нужно принимать меры возможные, подсказываемые здравым разумом и не противные духу христианского и иноческого жития, но, принимая их, успеха ожидать должно всецело от руки Господней.

Гордость человеческая говорит: мы сделаем, мы достигнем, – и начинаем строить башню Вавилонскую, требуем от Бога отчета в Его действиях, желаем быть распорядителями вселенной, мечтаем о заоблачных престолах, – но никто и ничто не повинуется ей, и бессилие человека доказывается со всею очевидностью горьким опытом. Наблюдая опыт сей из истории и древних, давно минувших дней, и современных, прихожу к заключению, что непостижимы для нас пути Промысла Божия, не можем мы их понять, а потому необходимо со всем смирением предаваться воле Божией.

Затем второе: никто и ничто не может повредить человеку, если сам себе он не повредит; напротив, кто не уклоняется от греха, тому и тысяча спасительных средств не помогут. Следовательно, единственное зло есть грех: Иуда пал, находясь со Спасителем, а праведный Лот спасся, живя в Содоме. Эти и подобные этим мысли приходят мне, когда поучаюсь я в чтении святых отцов и когда гляжу умственно на окружающее.

Что будет? Как будет? Когда будет? Если случится то и то, куда приклониться? Если совершится то и то, где найти подкрепление и утешение духовное? О, Господи, Господи! И

---

³⁸ Там же. Ф. Р-42, оп. 1, д. 2144, л. 4.

недоумение лютое объемлет душу, когда хочешь своим умом все предусмотреть, проникнуть в тайну грядущего, не известного нам, но почему-то страшного. Изнемогает ум: планы его, средства, изобретаемые им, – детская мечта, приятный сон. Проснулся человек – и все исчезло, сталкиваемое суровой действительностью, и все планы рушатся. Где же надежда? Надежда в Боге.

Господь – упование мое и прибежище мое. В предании и себя и всего воле Божией обретаю мир душе моей. Если я предаю себя воле Божией, то воля Божия и будет со мной совершаться, а она всегда благая и совершенная. Если я Божий, то Господь меня и защитит, и утешит. Если для пользы моей пошлетя мне какое искушение – благословен Господь, строящий мое спасение. Даже при наплыве скорбей силен Господь подать утешение великое и преславное... Так я мыслю, так я чувствую, так наблюдаю и так верую.

Из этого не подумай, что я много пережил скорбей и испытаний. Нет, мне кажется, что я еще не видал скорбей. Если и бывали со мной переживания, которые по поверхностному взгляду на них по всей видимости казались чем-то прискорбным, то они не причиняли мне сильной сердечной боли, не причиняли скорби, а потому я не решаюсь назвать их скорбями. Но я не закрываю глаза на совершающееся и на грядущее, дабы уготовить душу свою во искушение, дабы можно было мне сказать псаломскими словами: “Уготовихся и не смутихся”.

Я сообщал тебе, что у нас было следствие, ревизовали дела нашего Товарищества. Это следствие не кончено еще, суда еще не было. Когда будет суд и чем он кончится – Бог весть. Но, несомненно, без воли Божией ни со мной в частности, ни вообще с нами ничего совершиться не может, и потому я спокоен. А когда на душе спокойно, тогда чего же еще искать?

Сейчас я пришел от всенощной и заканчиваю письмо, которое начал еще перед всенощной. Господи, какое счастье. Какие чудные глаголы вещаются нам в храме. Мир и тишина. Дух святыни ощутительно чувствуется в храме. Кончается служба Божия, все идут в дома свои. Выхожу из храма и я.

Чудная ночь, легкий морозец. Луна серебряным светом обливает наш тихий уголок. Иду на могилки почивших старцев, поклоняюсь им, прошу их молитвенной помощи, а им прошу у Господа вечного блаженства на небе. Могилки эти много вещают нашему уму и сердцу, от этих холодных надгробий веет теплом. Пред мысленными взорами ума встают дивные образы почивших исполинов духа.

Эти дни я неоднократно вспоминал батюшку Варсонофия. Мне вспоминались его слова, его наставление, данное мне однажды, а может быть, и не однажды. Он говорил мне: “Апостол завещает: “Испытывайте себя, в вере ли вы” [2Кор.13,5], – и продолжал: – смотрите, что говорит тот же апостол: “Течение скончах, веру соблюдох, а теперь мне готовится уже венец” [2Тим.4:7-8]. Да, великое дело – сохранить, соблюсти веру. Поэтому и я вам говорю: испытывайте себя, в вере ли вы. Если сохраните веру, можно иметь благонадежие о своей участи”. – Когда все это говорил мне почивший старец... я чувствовал, что он говорит что-то дивное, высокое, духовное. Ум и сердце с жадностью схватывали его слова. Я и прежде слышал это апостольское изречение, но не производило оно на меня такого действия, такого впечатления.

Мне казалось: что особенного – сохранить веру? Я верую, и верую по-православному, никаких сомнений в вере у меня нет. Но тут я почувствовал, что в изречении этом заключается что-то великое, что действительно велико – несмотря на все искушения, на все переживания житейские, на все соблазны – сохранить в сердце своем огонь святой веры неугасимым, и неугасимым даже до смерти, ибо сказано: “Течение скончах”, т.е. вся земная жизнь уже прожита, окончена, уже пройден путь, который надлежало пройти, я уже нахожусь на грани земной жизни, за гробом уже начинается иная жизнь, которую уготовала мне моя вера, которую я соблюл. “Течение скончах, веру соблюдох”. И заповедал мне дивный старец проверять себя время от времени в истинах веры православной, чтобы не уклониться от них незаметно для себя. Советовал, между прочим, прочитывать

“Православный Катехизис” митрополита Филарета и познакомиться с “Исповеданием веры восточных патриархов”.

Ныне, когда поколебались устои Православной Российской Церкви, я вижу, как драгоценно наставление старца. Теперь как будто пришло время испытания: в вере ли мы. Ведь надо знать и то, что веру соблюсти может тот, кто горячо и искренно верит, кому Бог дороже всего, а это последнее может быть только у того, кто хранит себя от всякого греха, кто хранит свою нравственность. О, Господи, сохрани меня в вере благодатию Твоею.

Мысль о возможности сохранения веры лишь при доброй нравственности не моя, это учение и Евангельское, и святоотеческое»³⁹.

Всецело обязанный старцу Варсонофию, отец Никон уже после смерти старца стал говорить и проповеди благодаря ему. Он вспоминал: «...Покойный ныне отец протоиерей просил меня однажды Великим постом отслужить за него позднюю литургию в соборе. Я с радостью согласился. Была пятая неделя святого поста.

В свое время я начал служение литургии и спокойно служил. Настало время чтения святого Евангелия. Вручив святое Евангелие для чтения иеродиакону, я, по обыкновению стоя у горнего места за престолом, приготовился внимать Божественным глаголам живота вечного. И вот диакон зачитал: “Се восходим во Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет архиереом и книжникам, и осудят Его на смерть, и предадут Его язычникам: и поругаются Ему, и уязвят Его, и оплюют Его, и убьют Его: и в третий день воскреснет” [Мк.10,33-34].

Грешное мое сердце затрепетало во мне. Мне живо вспомнилось то, что было уже много лет назад. Мне вспомнился скит, наш тихий скит, духовно воспитавший нас. Мне вспомнился почивший наш старец, дорогой старец, отец и наставник, окрылявший нас, старавшийся посеять в сердца наши благие семена духовной жизни и монашества, вникавший в смысл Священного Писания и понимавший его духовное, таинственное значение. Мне вспомнилось, как однажды в пятое воскресенье Великого поста после литургии, придя в свою келлию, он спросил меня, обратил ли я внимание на то, какое читалось за литургией Евангелие, и, указывая на слова: “Се восходим во Иерусалим и предан будет Сын Человеческий... и поругаются Ему, и уязвят Его, и оплюют Его...”, – сказал: “Вот степени восхождения в Горний Иерусалим, их надо пройти. На какой степени находимся мы?..”. Внимая словам старца, слагая их в сердце своем, я молчал. И вот, не помню теперь через сколько дней, а может быть, и часов, настоятель объявил старцу о переводе его из скита в Московскую епархию. Великую скорбь причинило это старцу. Ведь скорбью надо считать не то, что по внешности переживает человек, а то, насколько попускается ему Богом быть удрученным от этого переживания, причиняющего ему и сердцу его скорбь и страдание.

Старец воистину тогда страдал. Делясь со мною скорбию своею, однажды он сказал мне, что от великой внутренней борьбы и скорби он боится сойти с ума. И ему, и нам было вполне понятно, что такое распоряжение высшего начальства было для старца наказанием, что оно устроено его недоброжелателями, что имели тут место и клевета, и человекоугодие, и ложь, и многое другое, о чем кратко невозможно написать. Действительно – и поругались над старцем, и уязвили его, и оплевали его (нелепые клеветы и сплетни около его имени, обвиняли его даже в ереси и хлыстовстве), и убили его, ибо от всех скорбей и переживаний и в последние дни пребывания в скиту, и на месте нового служения подорвалось его здоровье старческое, и без того уже слабое, и он ровно через год скончался.

Назначенное ему служение при выполнении всех связанных с ним обязанностей и при переживании всего, что причиняли ему условия и обстоятельства жизни на новом месте, было для него крестом, и крестом тяжелым. Веря, что крест посылается лишь Богом, старец все терпел, пребывая на кресте, предавшись воле Божией и не прибегая к человеческим средствам. Пройдены им были степени восхождения во Иерусалим...

---

³⁹ Иеромонах Никон (Беляев). Дневник последнего духовника Оптиной пустыни. СПб., 1994. С. 180-181.

Все это мгновенно вспомнилось мне, наполнило мой ум и сердце чувствами и мыслями. До того времени я никогда не говорил слов и поучений в церкви (приходилось лишь читать по книге), но тут появилось желание поделиться с другими, сказав народу слово. Воистину: от избытка сердца глаголют уста [Мф.2,34]. Одна мысль настойчиво требовала произнести слово, другая внушала, что если скажу, то потерплю за это. Вторая мысль внушала опасение за мое внешнее благополучие – и первая мысль превозмогла. Но, не желая первого моего слова в храме сказать без благословения, я решил, за неимением налицо никого иного в алтаре, предложить это служившему со мною иеродиакону на рассуждение и благословение.

Ответ был утвердительный, и я по окончании литургии вышел и сказал мое первое слово. Я умолчал о старце и всех воспоминаниях моих, я стал изъяснять смысл прочтенного Евангелия, святые слова которого наполняли мою душу»⁴⁰.

В 1923 году из монахов и послушников монастыря была организована сельскохозяйственная артель. В том же году инспектор труда по поручению Козельского уездного исполнительного комитета пытался в судебном порядке оспорить законность сельскохозяйственной артели, состоящей из монашествующих, но ему это не удалось – суд постановил прекратить дело. И уже без суда, в том же 1923 году сельскохозяйственная артель властями была закрыта и все имущество передано музею, при котором осталась лишь небольшая часть монахов, остальным было велено уходить. Для богослужений был оставлен Казанский храм. На праздник Преображения Господня в 1923 году и этот храм был закрыт. «Братия в Оптиной была предупреждена об этом заранее, и сразу после полуночи 6 (19) августа была отслужена последняя Божественная литургия»⁴¹. Отслужив литургию, архимандрит Исаакий сказал иеромонаху Никону: «Отец Никон, мы уходим, а ты останься, ведь сюда будут приходить богомольцы, надо, чтобы была служба, и надо их принять, а иеродиаконом останется отец Серафим^к»⁴².

После этого богослужения проводились еще «в течение года в келлиях больницы и церкви преподобного Илариона Великого»⁴³. Однако все чувствовали, что близок час полного изгнания службы Божией из Оптиной пустыни.

В это время на отца Никона легли все заботы о приходящих в обитель: народ не верил, что в одночасье мог исчезнуть столь славный источник духовного утешения и просвещения – и по-прежнему шел в Оптину за советом. И отец Никон от переутомления тяжело заболел. А люди шли к нему, как раньше к оптинским старцам. Когда он был в силе, то принимал их в постели, причем люди начинали приходить с раннего утра.

Когда здоровье его поправилось, он даже стал посещать христианские общины, которых тогда много образовалось в Козельске – из шамординских монахинь и вообще из искавших спасительного монашеского пути.

«Придя к нам, – вспоминала монахиня Амвросия (Оберучева), – он обыкновенно молился вместе с нами перед образом и, преподав нам мир и благословение, садился, а мы вокруг него, и начиналась духовная беседа... К этому времени приходили еще другие сестры... всем... хотелось духовной беседы, у многих были различные недоумения по поводу того, как устроить свою жизнь, где жить. И духовные вопросы: как быть с мыслями, которые делают молитву рассеянной?»

На это батюшка отвечал: «Мимолетные мысли, к которым сердце не прилепляется, быстро проходят, как калейдоскоп. Ум наш, как жернов, никогда не останавливается, все время занят. Это не наша вина, но от нашего естества, и эти мысли не надо считать своей неотъемлемой собственностью: не может один и тот же ум и славословить Бога, и хулить.

---

⁴⁰ Там же. С. 184-186.

⁴¹ Оптинский альманах. № 1. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь, 2007. С. 62.

⁴² Иеромонах Никон (Беляев). Дневник последнего духовника Оптиной пустыни. СПб., 1994. С. 224.

⁴³ Оптинский альманах. № 1. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь, 2007. С. 62.

Поэтому не обращай внимания на них, выбрасывай их как сор, как нечто постороннее. Но вот когда заметишь, что какая-нибудь одна мысль долбит постоянно и сердце к ней прилепляется, вот тогда это ужасная опасность. Скорее надо бороться, чтобы выбросить ее, – молитвой Иисусовой прогоняй, а если все же не в силах, исповедуй старцу. Надо знать, что тебя борет более всего, – с тою страстью и бороться надо особенно. Надо ежедневно проверять свою совесть. Если стараешься даже не останавливаться на мыслях, но они меняют настроение, значит, доходят до сердца: “От сердца помышления злая” [Мф.15,19; Мк.7,21]...”

Одна монахиня очень боялась, чтобы я¹... сказала ей о смерти, если она будет плоха. На это батюшка сказал: “Боязнь смерти – от бесов, это они вселяют в душу такой страх, чтобы не надеяться на милосердие Божие... Врач должен предупредить больного о приближающейся смерти. Если даже не желает больной и высказывает свой страх, не хочет, чтобы с ним говорили о смерти, – должно предупредить”.

Одна сестра... говорила: “Мне хочется дожить до того времени, чтобы встретить Господа”. – “Не надо, – говорил батюшка, – греховно желать до пришествия антихриста дожить. Такая скорбь будет тогда – как сказано, праведник едва спасется [Мф.24,21-22; Мк.13,19-20]. А желать и искать страданий опасно и греховно: это бывает от гордости и неразумия, а когда постигнет искушение, человек может и не выдержать”»⁴⁴.

15 июня 1924 года после всенощной отец Никон сказал: «Поздравляю вас с праздником. Бог дал, отслужили мы с вами еще раз всенощную; быть может, в последний раз, а может быть, и не в последний... Может, Господь приведет нас еще когда-нибудь собраться вместе и помолиться...»

Но так или иначе, а возможно, что нам придется разлучиться и разойтись в разные стороны... Может быть, вы и будете иметь возможность видеть меня и бывать у меня в Козельске, хотя, вероятно, и не так удобно и не так часто.

Но это не так важно. Ведь духовный отец нужен для чего? Чтобы при помощи его незаблудно шествовать и достигать Царства Небесного, а для этого необходимо главным образом исполнять на деле наставления, советы и указания духовника, жителство свое проводить благочестиво...

В церкви часто поют, вы, вероятно, не раз слышали: “Праведник от слуха зла не убоится” [Пс.111,6-7], – если же мы боимся, беспокоимся и смущаемся, еще только слыша о хотящих прийти напастях, о грядущих бедствиях и зле, то этот страх наш избличает нас в том, что мы далеко не праведники, а грешники, и потому должны смиряться. Если же мы приобретем кротость, будем смиренны, если мир будет в сердцах наших, то тогда исполнится следующее: “Посему узнают вси, яко ученицы Мои есте, аще любовь имате между собою” [Ср. Ин.13,35]. Имейте любовь, уступайте друг другу, воздавайте одна другой честь, не себе угождайте, будьте в любви, деточки мои возлюбленные...»⁴⁵

Отец Никон стал всех благословлять, некоторые плакали, и он тогда ласково сказал: «Вот, чудесненькие, ведь я – монах, я давал обет терпеть всякое озлобление и укоризну, поношение и изгнание, и если сие сбывается, если сие терплю, то радоваться подобает – так совершается чин пострижения на деле, и не унывать надо, а вы слюни распускаете... Сказано: “Радоватися подобает, егда во искушения впадаете различные” [Ср. Иак.1,2]... Помню, когда я был еще Николаем, батюшка отец Варсонофий сказал надо мною молитвенно такие слова: “Господи, спаси сего раба Твоего. Буди ему Помощник. Защити его, когда он не будет иметь ни крова, ни приюта...”»⁴⁶.

«Местная власть выпустила предписание с требованием удалиться всем монашествующим из Козельска. Многие подчинились этому приказу, но все-таки некоторая часть монахов и послушников, около пятидесяти человек, осталась в городе.

⁴⁴ Монахиня Амвросия (Оберучева). История одной старушки. М., 2005. С. 332-334.

⁴⁵ Иеромонах Никон (Беляев). Дневник последнего духовника Оптиной пустыни. СПб., 1994. С. 188-189, 191-192.

⁴⁶ Там же. С. 192.

Братия в священном сане служили в храмах города и ближайших окрестностях. Здесь же, в Козельске, тогда поселилось около двухсот монахинь из разоренной Шамординской пустыни и других обителей. Монахи и монахини продолжали нести свое послушание: пели на клиросах, прислуживали в церквях. Многие, чтобы как-то существовать, подрабатывали различными ремеслами. Монахини продавали свое рукоделие»⁴⁷.

Монастырь был окончательно закрыт. Отец Никон перебрался в Козельск и поселился на квартире, где уже жил оптинский монах Кирилл (Зленко). Здесь отец Никон стал принимать духовных детей, навещал монахинь Шамординского монастыря, которые расселились небольшими общинами по квартирам, вел с ними духовные беседы, отвечал на их вопросы и как-то во время беседы сказал: «Духовный отец только, как столп, указывает путь, а идти надо самому. Если отец духовный будет указывать, а ученик сам не будет двигаться, то он никуда не уйдет, а так и сгниет у этого столпа»⁴⁸.

Служил отец Никон в Козельске в соборе. В его обязанность входило вести отношения с администрацией музея, образовавшегося на территории Оптиной пустыни, и он старался сохранить все, что возможно, из книг и церковного имущества. Многие музей из монастырского имущества по распоряжению властей распродал с торгов, в частности священнические облачения, и отец Никон выкупал их для духовенства, приезжавшего из самых разных концов страны; он купил облачения для протоиереев Петра Павлушкова^m, Петра Чельцоваⁿ и Иоанна Речкина^o.

В день памяти своего святого покровителя мученика Никона, 28 сентября 1925 года, отец Никон сказал своим духовным детям: «Сказано в Евангелии: “И вы же свидетельствуете, яко искони со Мною есте” [Ин.15,27]. Обратите внимание на эти слова и вникните в их смысл. Потому и свидетельствовали о Господе Иисусе святые апостолы, а за ними святые мученики и вообще святые угодники Божии, что они, как говорит Сам Христос, искони, то есть всегда, были с Господом. Они всегда неразлучно пребывали с Господом, всегда они хранили усердно Его святые заповеди, всегда памятовали о Нем, во всем всегда творили Его святую волю. И если мы всегда будем с Господом, то и мы будем иметь силу и мощь свидетельствовать о Нем, и мы будем иметь мужество, твердость и крепость исповедовать Его, и исповедовать не только языком, но и самую жизнью своею. Будет дана и нам благодать благодушно переносить всякое злострадание, всякую тяготу и превратность жизни ради Господа нашего Иисуса Христа...

Так вот, старайтесь всегда быть с Господом и тогда сможете быть исповедниками Христовыми, будете свидетельствовать о Нем так же твердо, так же безбоязненно, так же чудесно, как свидетельствовали святые апостолы, святые мученики и все святые. Вот вам назидание. Будьте всегда с Господом, имейте память Божию, бойтесь отогнать от себя помощь Божию какими-либо грехами или помыслами греховными. Бойтесь оставаться без Господа»⁴⁹.

Беседуя с монахинями в день праздника Святой Троицы, отец Никон сказал: «Скорби иноков последнего времени утонченны, то есть при поверхностном взгляде на них нельзя признать их скорбями. Но это лишь злохитрость врага нашего... Испытания явные, грубые и жестокие возбуждают в человеках пламенную ревность и мужество к перенесению их... Враг заменил грубые испытания слабыми, но утонченными и действующими очень сильно. Они не вызывают из сердца ревности, не возбуждают его на подвиг, но держат его в каком-то нерешенном положении, а ум в недоумении. Они томят, постепенно истощают душевные силы человека, ввергают его в уныние, в бездействие и губят, соделывая жилищем страстей по причине расслабления, бездействия и уныния.

Это выражается тем, что ожидают чего-то лучшего, говорят: вот тогда и будем поститься и молиться, когда откроют монастыри и храмы. Но Господь обещал, что если мы

---

⁴⁷ Оптинский альманах. № 1. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная Пустынь, 2007. С. 63-64.

⁴⁸ Иеромонах Никон (Беляев). Дневник последнего духовника Оптиной пустыни. СПб., 1994. С. 277.

⁴⁹ Там же. С. 220.

покаемся, будут нам прощены грехи, а о том, что мы доживем до завтрашнего дня, нам не обещано.

Поэтому мы должны при всяких условиях, благоприятных и неблагоприятных, стараться жить по заповедям Божиим, исполнять обеты монашеские и особенно помнить слова: “Се время благоприятно, се день спасения” [2Кор.6,2]»⁵⁰.

Отец Никон вел обширную переписку с рассеянными по стране оптинскими монахами. В июне 1927 года, отвечая на просьбу иеромонаха Варсиса (Виноградова) найти для прихода иеродиакона, он написал: «Просьбу о диаконе я не имею возможности исполнить. Прежде всего, их нет. Я сам нуждаюсь для собора нашего в диаконе... Кроме того, я против того, чтобы посылать наших братьев на приходы: их осталось так мало у нас, и мне жалко, когда уходят последние, да и им самим не полезна жизнь в совершенно мирской обстановке, вдали от своих отцов духовных и братьев. Поэтому прошу простить за таковой мой ответ.

Всегда молюсь о тебе и желаю тебе всякого благополучия. О том, что будет и с нами и с Церковью, предадим всё воле Божией. А газет советую не присылать, монахам читать их погрешительно, а пользы никакой нет. Да этого добра и в Козельске много. Сколько я могу усмотреть, никогда не совершается так, как думают и предполагают люди, а делается все так, как Богу угодно по Его непостижимому для нас плану»⁵¹.

Всякую значительную группу монахов или духовенства окружали в те времена осведомители. Одни, как специальный осведомитель по кличке Майский^Р, регулярно сообщали сведения в ОГПУ, на основании которых преследовались и арестовывались монахи, – таких ОГПУ всецело поддерживало: уполномоченный ОГПУ по Козельскому уезду Блинов, ходатайствуя о восстановлении осведомителя Майского в гражданских правах, писал: «...из него будет ценный работник по нашей линии... прошу... для него выделить 15-20 рублей, так как он в данное время безработный и живет впроголодь»⁵².

Другие давали подписку служить осведомителями, захваченные ложными соображениями или в момент малодушия, тем самым проявив слабость веры, как живший вместе с отцом Никоном рясофорный монах Кирилл (Зленко), который, однако, придя в себя, категорически отказался предавать и был арестован⁵³.

Третьи, кто шел в монастырь не для монашеской жизни и не ради Христа, как иеромонах Гурий (Ежов), столкнувшись с материальными трудностями, сами начинали посылать доносы в ОГПУ.

Иеромонах Гурий в анонимном доносе в Козельское ОГПУ писал: «Товарищ Блинов, советую вам и преудисполкома приобрести яснозоркие очки и присмотреться поприлежнее... и обратить особенное внимание на лица нижеуказанные... Например, кому теперь стал не известен Никон... Беляев, квартирующий в Благовещенской караулке; этот пронырливый пес... добился того, что взял в свои руки собор козельский... удалил из сторожки и насадил вместо бывших сторожих, перловских чернохвосток^Ч... квартира Никона является центром политической деятельности...

Товарищ Блинов, Беляев Никон уже проник с ножницами и мантиями монашескими к школьным преподавателям, – обратите внимание, чтобы и в ГПУ не попал стричь... Пора бы уже обратить внимание Ваше, товарищ Блинов... на Беляева Никона, дать по хорошим ножницам и направить в Соловки или еще куда, пусть бы там вели бы себе пропаганду и стригли в монахи буржуазию, а то в Козельске уже квартир для таковых не хватает... Нужно принять еще к сведению то, что вот-вот вспыхнет... ибо все вышеуказанные подпольные агитаторы усиленно проповедуют о скорой перемене власти. Выбирайте одно из двух: или весь Козельск образует из себя монастырь и власти волей-неволей должны уступить и

---

⁵⁰ Там же. С. 239.

⁵¹ Оптинский альманах. № 1. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиной Пустыни, 2007. С. 111-112.

⁵² УФСБ России по Калужской обл. Д. П-12918, л. 245.

⁵³ Там же. Л. 243.

переехать в Сухиничи, или остаться на месте и убрать немедленно подпольных... агитаторов. Я, как усердный гражданин, сделал то, что зависело от меня, то есть поставил зеркало перед вами, – теперь смотрите в него сами... Вам указаны такие элементы, через которых можете ожидать удары во всякое время... Думается, что товарищ Блинов, как энергичный работник, подвинет это дело и приложит старание сбыть ненужный товар в другое место»⁵⁴.

ОГПУ быстро выяснило, что автор анонимного доноса – бывший унтер-офицер балтийского флота, проходивший в монастыре послушание в переплетной, иеромонах Гурий (Ежов)⁵⁵; уполномоченный ОГПУ по Козельскому уезду Блинов встретился с ним. Тот заверил, что готов подтвердить написанное в доносе официальными свидетельскими показаниями. Однако ОГПУ сочло лучшим приберечь его для иных поручений.

В 1927 году власти в преддверии закрытия всех монастырей в России, еще сохранившихся под видом сельскохозяйственных общин, приняли решение об аресте оптинских монахов, живших в Козельске, и администрации музея, с точки зрения властей не справившейся с задачей прекращения влияния на население известной в духовном отношении обители.

Готовя репрессии, сотрудники ОГПУ составили документ, в котором формулировалась необходимость проведения арестов: «После Октябрьского переворота в 1917 году Оптинский и Шамординский монастыри сохранили свою самостоятельность до 1923 года, – писали они. – В Шамординском монастыре был организован совхоз, где монашки в количестве трехсот человек были как рабочие и под флагом советского хозяйства вели свою монастырскую жизнь по установленному монастырскому правилу. Руководили монашеством старцы Оптинского монастыря – Нектарий, иеромонах Никон Беляев и другие, которые идеологически и практически давали указания в работе обеих монастырей...

Оптинский монастырь считался в дореволюционное время третьей святыней в России. В тот момент, когда совершался Октябрьский переворот... монашество... учтя обстановку, переорганизовалось, и образовался племхоз и совхоз, которые взял под свое покровительство Сухинический сельсоюз... При монастыре образовалась садово-огородная артель из монахов, которая просуществовала до 1924 года; за антисоветскую агитацию была ликвидирована.

После окончательного разгона все главари бывшего монастыря вместе с Никоном Беляевым переселились в город Козельск и окрестные селения, где занялись активной антисоветской агитацией. В местные церкви насажали своих монахов и монашек, из последних составили хоры в церквях и использовали их для своих связей, распространения контрреволюционных слухов и так далее...

Ликвидационная комиссия... ликвидируя окончательно монастырь Оптина пустынь и преследуя защиту интересов усадьбы-музея Оптина пустынь, своим протоколом от 19 июня сего года за № 5, § 3 разрешила условно, впредь до приглашения на службу через биржу труда рабочих, оставить на службе для ведения хозяйства музея и охраны имущества семнадцать человек из монашествующих, персонально указанных в протоколе № 5. Как зав. музеем-усадьбой, так равно и зав. правлением музея-усадьбы Оптина пустынь с самого начала ликвидации Оптинского монастыря, то есть с 24 марта по данное время – в продолжение около пяти месяцев, не пригласили на службу через биржу труда ни одного лица... При производстве проверки 25 июля установлено проживание в пределах монастыря, с ведома и согласия заведовавших, – пятидесяти трех... монахов и, кроме того, около сорока человек разных лиц, прибывших из разных мест, частью из бывшего Шамординского монастыря, затем из города Белева Тульской губернии... которые вводят уклады монастырской жизни, совершая ежедневно утром и вечером богослужения в

---

⁵⁴ Там же. Л. 244.

⁵⁵ ГАКО. Ф. 903, оп. 2, д. 38, л. 10 об.

оставленной для общины верующих одной церкви... игнорируя тем самым распоряжения советского правительства и приговор Калужского губсуда.

В бывшем монастыре Оптиная пустынь сотрудники по-прежнему продолжают священнодействовать; в музее по всем углам висят святые угодники, в шкафах ризы, кресты, портрет царицы Анны Иоанновны, колокола и тому подобные... вещи, между тем все это можно встретить в любой церкви»⁵⁶.

16 июня 1927 года отец Никон был арестован и заключен в калужскую тюрьму. Всего по делу было арестовано одиннадцать человек. На допросе сотрудники ОГПУ спросили его, на какие средства он живет, помогает ли кому-либо материально и ведет ли агитацию против советской власти. Отец Никон ответил, что живет на средства от продажи мелких домашних вещей и на то, что получает в храме, но сколько получает, не знает, а что касается антисоветской агитации, то ею он не занимался.

1 июля отцу Никону предъявили обвинение в том, что он, «находясь на жительстве в городе Козельске, имеет тесную связь с заведующим Оптиным музеем... совместно с которым ведет антисоветскую агитацию через лиц, близко стоящих к нему, то есть единомышленников. Также ведет религиозную пропаганду и среди крестьянского населения, тем самым вызывая недоверие к советской власти... установлено, что Беляев производит скупку церковного имущества и ценностей для неизвестных целей и на средства, неизвестно откуда получаемые, при содействии зав. Оптиным музеем... в ведении которого указанное имущество находится»⁵⁷.

1 августа следователь допросил отца Никона.

– Когда и как долго вы заведовали Оптиным музеем, кто рекомендовал вас на заведование и почему вы были арестованы в момент заведования музеем?

– В 1919 году я действительно заведовал Оптиным музеем... вернее, в то время был назначен временным хранителем имущества музея приехавшими из Москвы комиссарами – видимо, как лицо грамотное и исполнявшее до этого, то есть в бытность монастыря, должность секретаря; арестован я действительно был, но причину ареста не знаю: думал и думаю, что был арестован как заложник.

– Бывали у вас случаи перепродажи покупаемых вами облачений другим лицам и почему, а также приходилось ли вам покупать... облачения полными комплектами и как часто?

– Случаев перепродажи облачений другим лицам я не отрицаю, но это мною делалось не с целью барышничества, а из-за уважения. Облачения полными комплектами также приходилось покупать, но как часто, сказать не могу.

16 августа 1927 года следствие было закончено; в обвинительном заключении сотрудники ОГПУ написали: «С появлением обновленчества среди православных церквей, появляется антагонизм между монахами и приходским священством за овладение приходами. Под руководством иеромонаха Никона Беляева монахи бывшего Оптиного монастыря ведут борьбу сначала по захвату церковных приходов в городе Козельске, в результате чего козельский собор попадает в их руки, где для большей обеспеченности своего положения Никон Беляев удаляет соборного сторожа, а вместо него сажает своих, преданных ему монахов...

Никон Беляев, устроив в своей квартире молельную и приемную для проходящих к нему... на исповедь и благословение посторонних лиц... снабжает их литературой с целью дальнейшего ее распространения среди населения... В его же квартире, под предлогом исповеди и благословения, устраиваются свидания с контрреволюционным элементом...

Имея большие связи, Никон Беляев, в целях надлежащего использования продаваемых в музее с торгов церковных облачений, берет на себя обязанность по скупке всех продаваемых облачений, в целях... своих лиц, для чего... скупает около 50 комплектов

---

⁵⁶ УФСБ России по Калужской обл. Д. П-16298, л. 2-3.

⁵⁷ Там же. Л. 100.

церковных облачений и снабжает ими не только... лиц... находящихся в районе его местожительства, но и... проживающих в других городах Союза...»⁵⁸

Дело было послано на заключение в 6-е отделение секретного отдела ОГПУ в Москву, где в октябре 1927 года было дано окончательное заключение: «Перечисленные лица... прямо и косвенно вели контрреволюционную деятельность и агитацию, прикрывая ее религиозными убеждениями, и тем самым развращали психологию окружающего крестьянского населения, вызывая у крестьянства недовольство и озлобление советской властью»⁵⁹.

19 декабря 1927 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило иеромонаха Никона к трем годам заключения в концлагерь. 7 января 1928 года ОГПУ распорядилось отправить отца Никона в Соловецкий концлагерь; в это время навигация на Соловки уже закончилась, и он был оставлен в пересыльном концлагере в Кеми. Современник отца Никона, бывший в те же годы в Кемском пересыльном пункте на Поповом острове, вспоминал, как тогда выглядел лагерь и какая там была тогда жизнь. Из рая Оптины, тончайших духовных переживаний, если вспомнить чудного и богоносного старца Варсонофия, отец Никон попал во тьму внешнюю, с торжеством наглого греха. «Вышки, сколоченные из хлипких бревнышек. Пятачок площади, обнесенный оградой из колючей проволоки. На нем, возле примитивного дебаркадера, длинный низкий барак... зона на каменистом и болотистом берегу Белого моря... Место пустынное, голое и суровое»⁶⁰.

Выгруженных из теплушек заключенных с бранью и рукоприкладством строят в колонну и бегом гонят на голый скалистый мысок. Людей избивают, перегоняют с места на место, учат строю, обыскивают, пугают «нацеленными с вышек винтовками и холостыми выстрелами. Падающих подымают, разбивая сапогами в кровь лицо»⁶¹.

В бараке все лежат на боку и повертываются по команде; посредине узкий проход и двухэтажные сплошные нары под низкой крышей. По вертикальной стойке вереницами ползут клопы, «как муравьи по стволу полюбившегося дерева»⁶², а на дворе мороз и метель с пронизывающим, напитанным влагой ветром.

Отец Никон, как приговоренный к небольшому сроку, часть которого уже прошла в следственной тюрьме и пересылках, был оставлен на Поповом острове, где ему приказали сторожить сарай на морском берегу. Белое море, крики чаек и заключенных, ругань охраны и стоны мучимых людей. Все обстоятельства жизни сами собой призывали стремиться с мольбою в ставшие еще более дорогими и близкими объятия Отца.

23 мая 1930 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило иеромонаха Никона без проведения нового следствия к трем годам ссылки в Северный край, и он был отправлен в ссылку в Архангельскую область.

За время заключения в лагере отец Никон заболел туберкулезом, и по прибытии этапа в Архангельск врач медицинской комиссии посоветовал ему обратить особенное внимание на состояние своего здоровья и проситься в место, более ему соответствующее. Отец Никон, посоветовавшись с монахом Агапитом (Таубе)^f, сказал: «Воля Божия да совершится». И не стал предпринимать что-либо для облегчения своего положения. Он был отправлен в город Пинегу и поселился в находящейся в нескольких километрах от Пинеги деревне Воепала. Хозяйка дома, жестокая пожилая женщина, видела в ссыльном монахе всего лишь дарового работника и нещадно заставляла его работать. Туберкулез у отца Никона стремительно развивался, и он чувствовал себя все хуже и хуже. Хозяйке, однако, казалось, что ее жилец притворяется и состояние его здоровья не так плохо, как он хочет показать, и, невзирая на его самочувствие, она продолжала требовать от него исполнения всех тяжелых работ.

---

⁵⁸ Там же. Л. 273 об-275.

⁵⁹ Там же. Л. 282.

⁶⁰ Волков Олег. Погружение во тьму. М., 1998. С. 62.

⁶¹ Там же. С. 63.

⁶² Там же. С. 65.

Иеромонах Никон так описал в письме начало своей последней болезни: «Болезнь началась внезапно. Чувствуя себя здоровым, я пошел копать снег около дома и почувствовал боль в венах больной ноги. Я все же несколько поработал и утомился. Сразу заболели все вены, начиная от живота и до пяток. Я положил компресс, смерил температуру – 40°. Оказалось – кровоизлияние. На следующие три дня температура была почти нормальная. Вдруг я почувствовал боль в груди, температура 40°, которая была не более недели. Я лежал довольно долго, две или три недели. Вены перестали болеть, кровоизлияние рассосалось, но рана, открывшаяся немедленно, прошла только недавно. Прежнего дыхания нет, оно не так свободно»⁶³.

Отец Никон добрался до врача в больнице за шесть верст от деревни. Тот, осмотрев его, сказал: «В легких плохо, туберкулез».

В письме к монахине Амвросии, находившейся тогда в ссылке в Архангельской области, отец Никон писал: «Ожидание перемещения – это одно из тяжелых условий нашей жизни. Хотели и меня, как многих других, переместить, но я пока остался по болезни. Но болезнь меня не радует. Доктор определил туберкулез легких. Духом я спокоен. Ибо на все воля Божия.

Пока все необходимое имею, а будущее в руках Божиих. Слава Богу за все. Радуюсь, что у тебя хорошее настроение. Да, Господь вразумляет нас и призывает ко спасению...»⁶⁴

«В Пинеге, кроме пайка, трудно найти продукты питания, и кто не получает посылку, конечно нуждается, голодает. Базара нет, только промен на вещи...

Тех, кто может работать, в лес посылают и на другие работы. Кто имеет документ о неработоспособности, того не посылают на работу, а куда-либо в деревню. Подальше стараются, но бывает, что и недалеко устраиваются.

Почта ходит исправно. Паек, получаемый безработными, конечно, недостаточный: 300 гр. хлеба в день, 600 гр. пшена на месяц и 2 кг. рыбы в месяц, соли достаточно, зимой пол-литра керосина.

Климат как в Архангельске, только ветры пронзительные бывают часто. Народ скорее неприветливый, мало сочувствует.

Овощей и на промен почти не найдешь, даже картофеля. Не знаю, где как живет, и сравнивать не могу.

Благодарю Господа, что доселе подкрепляет внутренне и все для жизни необходимое посылает. Слава Богу за все...»⁶⁵

В своем последнем письме отец Никон писал: «Преподобный Феодор Студит, сам бывший в ссылке, ликует и радуется за умирающих в ссылке. И мне приходила мысль, что мы, иноки, отрекшиеся от мира, и ныне, хотя и невольно, проводим мироотреченную жизнь. Так судил Господь. Наше дело – хранить себя в вере и блюсти себя от всякого греха, а все остальное вручить Богу. Не постыдитесь надеющийся на Господа...»⁶⁶

Хозяйка квартиры только после последнего, бывшего у него тяжелого приступа, наконец поняла, что ссыльный иеромонах неизлечимо болен, и тогда стала его из дома гнать: «Иди куда хочешь, ты работать не можешь и мне не нужен, ко мне на квартиру просятся здоровые люди, которые будут мне работать, а ты болен. Еще помрешь, что я тогда с тобой буду делать?».

В Лазареву субботу, 4 апреля 1931 года, живший в соседней деревне Козлово ссыльный оптинский монах Петр (Драчев) навестил отца Никона.

Он увидел, что больной отец Никон лежит на двух сдвинутых табуретках, в шапке, в ватном подряснике и валенках. В изголовье стоит мешок со всеми его вещами.

– Что это значит? – спросил монах Петр.

---

⁶³ Иеромонах Никон (Беляев). Дневник последнего духовника Оптиной пустыни. СПб., 1994. С. 295-296.

⁶⁴ Там же. С. 293.

⁶⁵ Там же. С. 296-297.

⁶⁶ Там же. С. 298.

– А это значит – вылетай куда хочешь, – ответил отец Никон и попросил, чтобы монах перевез его к себе.

Тот вернулся в деревню Козлово, нанял лошадь и перевез отца Никона. Окруженный заботой, отец Никон почувствовал себя здесь несколько лучше, он охотно подолгу беседовал с монахом Петром об Оптиной и о том блаженном времени, когда был жив старец Варсонофий. Но болезнь неотступно брала свое, и отец Никон все более и более слабел⁶⁷. Он часто вспоминал о духовных детях; поминая их, он всех благословлял, иногда выражая вслух желание повидаться со всеми, но тут же и добавлял: но да будет на то воля Божия... и оканчивал: «иные же замучены были, не принявшие освобождения, дабы получить лучшее воскресение» (Евр.11,35)⁶⁸.

Духовная дочь отца Никона так записала о его болезни и последних днях жизни: «В субботу 14 [27] июня был приглашен доктор для успокоения больного. Доктор внимательно выслушал батюшку и “во утешение” сказал: “Никакой скоротечной чахотки нет, слабость – явление временное, все пройдет”. А мне доктор прямо сказал: “У батюшки цветущий туберкулез, то есть в полном расцвете, в полном разгаре, и все уже кончено, живет он только потому, что у него сердце здоровое”».

Слова доктора, сказанные батюшке, по-видимому, успокоили и утешили его, так как после этого он начал даже думать просить о подаче заявления о переводе его в более благоприятную в климатическом отношении местность.

Время шло, а батюшка все слабел, но, несмотря на это, когда он чувствовал себя лучше, собственноручно писал, хотя и с трудом, краткие записки некоторым своим духовным детям, некоторым писал по несколько слов на их письмах, некоторым диктовал записки и собственноручно подписывал. 20 июня [3 июля] попросил лист бумаги и хотел что-то написать, но слабость не позволила много писать, написал лишь две строчки: “Какая красота в духовных книгах”»⁶⁹.

4 июля отец Никон уже совершенно ослабел. 8 июля в 12 часов дня его причастил архимандрит Никита (Курочкин) и прочитал канон на исход души. Иеромонах Никон (Беляев) скончался вечером 8 июля 1931 года и был погребен на деревенском кладбище в безвестной ныне могиле.

Игумен Дамаскин (Орловский)
«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Июнь».
Тверь. 2008. С. 463-501

---

^a Преподобный Варсонофий Оптинский (в миру Павел Иванович Плиханков); память 1/14 апреля.

^b Лаврентий Иванович и его супруга Мария Степановна скончались в 1902 году, Митрофан Николаевич – в 1903-м // АОП. Фонд новомучеников и исповедников.

^c Преподобный Анатолий Оптинский, Старший (в миру Алексей Моисеевич Зерцалов), иеросхимонах; память 25 января/7 февраля.

^d Ср. 2Кор.3,6.

^e Имеется в виду старец Анатолий (Зерцалов).

^f Преподобный Варнава Гефсиманский (в миру Василий Ильич Меркулов), иеросхимонах, местночтимый святой Московской епархии; память 17 февраля/2 марта.

^g В то время епископ Калужский.

^h Преподобномученик Исаакий Оптинский (в миру Иван Николаевич Бобраков); память 26 декабря/8 января.

ⁱ Преподобный Анатолий Оптинский, Младший (в миру Александр Алексеевич Потапов); память 30 июля/12 августа.

^j Преподобный Нектарий Оптинский (в миру Николай Тихонов), иеросхимонах; память 29 апреля/12 мая.

---

⁶⁷ Оптинский альманах. № 1. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная пустынь, 2007. С. 33-34.

⁶⁸ АОП. Фонд новомучеников и исповедников. Письма монаха Петра (Драчева).

⁶⁹ Иеромонах Никон (Беляев). Дневник последнего духовника Оптиной пустыни. СПб., 1994. С. 300.

---

^k Преподобномученик Серафим Оптинский (в миру Стефан Григорьевич Гуцин); память 10/23 ноября.

^l Как врач.

^m Священномученик Петр (Павлушков); память 10/23 ноября.

ⁿ Священноисповедник Петр (Чельцов); память 30 августа/12 сентября.

^o Священномученик Иоанн (Речкин); память 20 октября/2 ноября.

^p Осведомитель Майский – бывший оптинский послушник Тихон Плетнев, поступил в Оптину пустынь в 1912 году; некоторое время жил вместе с келейником старца Нектария Петром Швыревым; при советской власти стал служить осведомителем, давая в ОГПУ сведения об оптинской братии и соприкасавшихся с нею мирянах; 28 мая 1927 года он по ходатайству ОГПУ был восстановлен в гражданских правах [ГАКО. Ф. Р-26, оп. 1, д. 825, л. 439 об.]; осенью 1937 года он был арестован вместе с другими монахами; 5 декабря 1937 года все арестованные монахи были расстреляны, а послушник Тихон переведен в смоленскую тюрьму камерным осведомителем; через год, 5 января 1939 года, руководство НКВД по Смоленской области приняло решение о его освобождении // УФСБ России по Калужской обл. Д. П-12918, л. 191.

^q Имеются в виду шамординские монахини, названные так иеромонахом Гурием по имени Сергея Павловича Перлова (1836-1910) – известного чаоторговца, благотворителя и строителя Шамординского монастыря.

^r Преподобноисповедник Агапит Оптинский (в миру Михаил Михайлович Таубе); память 5/18 июля.